

Наваррская М.



# ГЕПТАМЕРОН

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ — ДЕНЬ ТРЕТИЙ

ТОМ 1

ШЕДЕВРЫ  
МИРОВОЙ  
ЛИТЕРАТУРЫ

**Маргарита Наваррская**  
**Гептамерон. Том 1. День**  
**первый – День третий**  
**Серия «Шедевры мировой**  
**литературы (Мир книги, Литература)»**

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=28750472](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28750472)*

*Наваррская М. Гептамерон. Т. 1: Новеллы. (День первый – День третий) / Пер. фр. А. Шадрина: Мир Книги Ритейл, Литература;*

*Москва; 2011*

*ISBN 978-5-501-00023-0, 978-5-501-00022-3*

### **Аннотация**

Маргарита Наваррская (1492–1549) – французская принцесса, сестра короля Франциска I, одна из первых женщин-писательниц во Франции. Известна также как Маргарита Валуа. Происходила из Ангулемской ветви династии Валуа; бабушка Короля Генриха IV. Королевский двор Маргариты Наваррской был центром культурной жизни Франции середины XVI в. Она покровительствовала многим известным литераторам и оказывала большое влияние на выдающихся людей того времени. Сама королева также была не чужда сочинительству: из-под ее пера выходили стихотворения и поэмы, комедии и нравоучительные истории. Наиболее значительным ее

произведением является «Гептамерон» – сборник из семидесяти двух новелл, написанных под влиянием «Декамерона» Боккаччо.

В первом томе данного издания публикуется начало этой книги, в которой Маргарита достоверно и проницательно описала нравы своего времени, царившие не только в высшем обществе, но и среди простых горожан, и благочестивых монашек. Однако при всем разнообразии сюжетов основное место в «Гептамероне» занимают любовные истории.

# Содержание

Пролог	6
День первый	22
Новелла первая	23
Новелла вторая	36
Новелла третья	42
Новелла четвертая	53
Новелла пятая	65
Новелла шестая	72
Новелла седьмая	77
Новелла восьмая	81
Новелла девятая	92
Новелла десятая	102
Конец ознакомительного фрагмента.	108

# **Маргарита Наваррская Гептамерон. Том 1. День первый – День третий**

© ЗАО «Мир Книги Ритейл», оформление, 2011

© ООО «РИЦ Литература», 2011

# Пролог

Первого сентября, когда обычно начинается лечебный сезон, в местечке Котерэ\*, в Пиренеях, собралось небольшое общество, состоявшее из людей, которые приехали сюда из Испании и из Франции; одни прибыли для того, чтобы пить целебные воды, другие – чтобы принимать ванны, иные же – чтобы лечиться грязями, столь чудодейственными, что больные, от которых отказались все доктора, возвращались после этого лечения совершенно здоровыми. Однако я отнюдь не собираюсь рассказывать вам о местоположении или о целебных свойствах этих купаний. Я хочу без промедления перейти к тому, что является непосредственным предметом моего рассказа.

Все больные, собравшиеся в этом местечке, провели там более трех недель, по истечении коего времени они убедились, что поправились окончательно и могут возвратиться домой. Но как раз в эту пору хлынули дожди и были столь обильны, что казалось, Господь забыл о своем обещании, данном Ною, больше не посылать на землю потопа. Все домики местечка Котерэ залило водою, так что оставаться в них долее было нельзя. Больные, приехавшие из Испании, вернулись к себе на родину по горам, кто как сумел, причем избежать опасности было, разумеется, легче всего тем, кто хорошо знал дороги. Что же касается сеньоров и дам из

Франции, то они решили, что возвратиться в Тарб\* им будет так же легко, как легко было приехать сюда. Однако расчет их не оправдался: все горные ручейки настолько разлились, что перебраться через них стоило теперь большого труда. Когда же путники попробовали перейти Беарнский ручей\*, глубина которого в обычное время не превышала двух локтей, то оказалось, что ручей этот превратился в целую реку со столь стремительным течением, что им оставалось только вернуться назад. Они принялись было искать переправы, но мосты все были деревянные, их сорвало и унесло потоком. Отдельные смельчаки попытались было, держась за руки, переправиться вброд, но их так стремительно отбросило течением, что у приятелей их, оставшихся на берегу, пропала всякая охота испытывать свои силы. И вот, отчасти оттого, что между ними не было согласия, а отчасти и оттого, что приходилось искать новые переправы, вся компания разделилась на несколько групп и разбрелась в разные стороны. Одни, перевалив через горы и миновав Арагон\*, поехали в графство Руссильон\*, а оттуда в Нарбонну\*, другие же направились прямо в Барселону, а там уже морем кто в Марсель, кто в Эг-Морт\*.

Некая же вдова по имени Уазиль\*, женщина уже пожилая и умудренная опытом, забыв всякий страх, решила идти по самой плохой дороге, лишь бы как-нибудь добраться до монастыря Серранской Божьей Матери\*. При этом она была вовсе не настолько благочестива, чтобы думать, что Пре-

святая Дева могла оставить свое место одесную сына и сойти на эту пустынную землю. Ей просто очень хотелось увидеть святую обитель, о которой она столько слыхала. К тому же она была уверена, что, если только вообще существует какая-либо дорога, монахи во всяком случае должны ее знать. И намерение свое она исполнила, хотя для этого и пришлось пробираться по очень крутой тропинке с частыми подъемами и спусками, по которой в обычное время никто не ходил. И, невзирая на свой возраст и полноту, госпожа Уазиль проделала весь этот путь пешком. Прискорбнее всего было то, что почти все ее слуги погибли за время пути, а лошади пали. И вот, в сопровождении одного только слуги и одной служанки, оставшихся в живых, она добрела до Серранса, где ее приветливо встретили монахи.

Среди прочих французов были также два дворянина, которые отправились на купанья не столько для того, чтобы поправить здоровье, сколько для того, чтобы сопутствовать двум замужним дамам, по которым они вздыхали. Кавалеры эти, видя, что компания расстроилась и что мужья увезли своих жен, решили следовать за ними поодаль – так, чтобы никто их не видел. Когда же однажды вечером обе супружеские четы остановились на ночлег в доме некоего крестьянина – который в действительности оказался просто разбойником, – молодые люди расположились неподалеку от них, на мызе.

И вот около полуночи они слышат вдруг страшный шум.



Они вскакивают с постелей, а за ними и слуги, и спрашивают мызника, что случилось. Бедняга и сам не может прийти в себя от испуга и говорит, что это явились бандиты и требуют, чтобы их сообщник отдал причитающуюся им часть добычи. Дворяне сразу же схватили шпаги и вместе со слугами поспешили выручать дам, ибо больше всего на свете боялись их потерять и готовы были отдать за них жизнь.

Прибежав в дом, они видят, что наружная дверь сломана и оба сеньора и слуги их мужественно сражаются с негодями. Но как тот и другой были ранены, а многие слуги убиты и к тому же разбойники превосходили их числом, они были вынуждены отступить. Заглянув в окна, молодые люди увидели несчастных дам: они заливались слезами и громко зывали о помощи. Охваченные безумной жалостью, кавалеры почувствовали в себе такую отвагу, что ринулись на врагов подобно двум разъяренным горным медведям и были столь неистовы, что те не смогли устоять. Большинство разбойников было убито, а остальные, не желая, чтобы их постигла та же участь, бежали и скрылись.

Разделавшись с грабителями (хозяин оказался в числе убитых), молодые люди пришли к убеждению, что хозяйка еще более коварна, чем ее муж, и тут же прикончили ее ударом шпаги. Войдя в низенькую комнату, они обнаружили, что один из сеньоров мертв; а другой цел и невредим, и только платье на нем разодрано, а шпага сломана. Обняв своих спасителей, он горячо их поблагодарил и стал просить, что-

бы они их не покидали. Те, разумеется, были счастливы эту просьбу его исполнить. Похоронив убитого и всячески стараясь утешить его жену, путники двинулись дальше, но верной дороги они не знали и целиком положились на волю Божью. Если вам угодно узнать имена этих трех дворян, то вот они: сеньора звали Иركان\*, жену его – Парламанта\*, вдову – Лонгарина\*, а двоих молодых людей – Дагусен\* и Сафредан\*. Путники проехали целый день верхом. Когда же стало смеркаться, вдали показалась колокольня монастыря, и они пришпорили коней, чтобы добраться туда до наступления ночи, что сделать было не так-то легко. Там их гостеприимно встретили аббат и монахи. Это было аббатство Сен-Савен\*. Аббат, происходивший из очень благородной семьи, оказал им самый любезный прием. Он велел приготовить им комнаты и, проводив их туда, стал расспрашивать, как они попали в эти края. Когда они рассказали ему, что с ними приключилось в пути, он сообщил им, что у них есть товарищи по несчастью и что в соседней комнате находятся две молодые дамы, которые избежали подобной же опасности и даже, пожалуй, еще большей, ибо им пришлось иметь дело не с людьми, а с диким зверем. В расстройстве получили от Пьерфита\* бедняжки натолкнулись на медведя, спустившегося с горы. Увидав его, они пришпорили коней и неслись столь быстро, что у ворот монастыря оба коня под ними пали; две служанки, явившиеся уже много времени спустя, сообщили, что всех остальных слуг загрыз медведь. Все пя-

теро вновь прибывших направились к ним и к изумлению своему увидели, что заливавшиеся слезами женщины были Номерфида\* и Эннасюита\*. Они кинулись им в объятия и рассказали о постигшей их беде. Несчастные возрадовались этой неожиданной встрече и, согретые напутствиями доброго аббата, стали понемногу успокаиваться. Наутро же все они присутствовали на мессе и благочестиво молились, воздавая хвалу Господу за то, что он уберег их от смерти.

И вот в то время, когда они слушали мессу, в церковь врывается какой-то человек в одной рубахе, спасаясь от погони и громко призывая на помощь. Ирман и другие сеньоры тотчас же кинулись к нему и увидели, что за ним гонятся двое мужчин с обнаженными шпагами. Столкнувшись с таким большим обществом, разбойники испугались и пытались скрыться. Но Ирман и его товарищи догнали их и убили. Когда же Ирман обернулся, он увидел, что человек в ночной рубахе не кто иной, как один из их спутников. Жебюрон\* – так звали несчастного – рассказал им, что он остановился на ночлег в одном из домиков в Пьерфите и, когда он уже лежал в постели, туда ворвались трое мужчин. Но, хотя он и был раздет и при нем была только шпага, он так сильно ранил одного из разбойников, что тот уже не смог и подняться. Когда же двое других стали поднимать его с пола, Жебюрон, сообразив, что он гол и бос, а те хорошо вооружены, решил, что ему остается только одно – спасаться бегством: бежать-то ведь всегда сподручнее тому, кто легче одет. И он возблагодарил Бога и

своих спасителей, которые за него отомстили.

После того как месса закончилась и все пообедали, один из слуг был послан узнать, можно ли переправиться через горный поток. Вернувшись, он сказал, что переправы никакой нет, после чего присутствующие долго не могли решить, как им быть. Аббат настойчиво уговаривал их погостить в монастыре до тех пор, пока вода не схлынет, и в конце концов они вняли его просьбам и решили остаться там еще на день. Вечером же, когда они собрались ложиться спать, в монастырь пришел старый монах, который из года в год ходил в сентябре на богомолье в Серранс\*. Они стали расспрашивать его, как он добирался до дому, и он рассказал, что реки настолько разлились, что ему пришлось карабкаться по горам и что такой трудной дорогой он в жизни еще никогда не хаживал. Он рассказал также, что случайно сделался очевидцем страшной картины: некий дворянин по имени Симонто\*, которому надоело ждать, пока вода пойдет на убыль, решил перебраться через реку, собрал всех своих слуг и верхом на коне вместе с ними ринулся в водоворот. Но едва только они оказались на середине, как все его слуги вместе со своими лошадьми были унесены стремительным течением и утонули. Оставшись один, сеньор этот пытался повернуть коня назад, но сделать это было так трудно, что он не удержался в седле и свалился в воду. Однако Господь оказался к нему милостив: изрядно нахлебавшись воды, Симонто наконец с большим трудом на четвереньках выбрался на берег и, со-

всем уже измученный и ослабевший, упал на голые камни. И случилось так, что пастух, гнавший вечером стадо домой, нашел его там, на камнях, промокшего до костей и глубоко опечаленного потерей слуг, которые погибли у него на глазах.

Пастух, услышав о постигшей путника беде и увидев, в сколь жалком состоянии он находится, взял его под руку и отвел в свою убогую хижину; набрав щепы, он развел огонь и помог ему согреться и высушить одежду. В тот-то самый вечер Господь и привел туда старика монаха, который рассказал молодому человеку, как пройти в монастырь Серранской Божьей Матери. Старик заверил его, что там он сможет отдохнуть лучше, чем где бы то ни было, и сказал, что там сейчас гостит пожилая вдова Уазиль, которая, так же как он, попала в беду. Когда вся компания услышала, что их милая Уазиль, а также благородный Симонто нашлись, все несказанно обрадовались и возблагодарили Создателя, который, не пощадив, правда, слуг, смиростивился над их господами. Особенно же обрадована была Парламанта, ибо Симонто с давних пор был ее верным кавалером.

После того как они подробно разузнали от старика, каким путем им следует идти в Серранс, они решили пойти туда. И сколько монах ни предупреждал их о трудностях этой дороги, на следующий же день все отправились в путь. Аббат снабдил их самыми лучшими лошадьми и обеспечил вином и всяческим провиантом. И они были так хорошо снаряже-

ны, что не испытывали ни в чем никакой нужды. К тому же, чтобы они не заблудились в горах, он дал им хороших проводников. Изнемогая от усталости, компания хоть и с большим трудом, но добралась до монастыря Серранской Божьей Матери. Настоятель этого монастыря был человеком недобрым, но он не посмел отказать им в ночлеге, боясь навлечь на себя гнев короля Наваррского\*, ко всем им весьма благоволившего. Лицемер этот встретил их с притворной любезностью и повел к госпоже Уазиль и сеньору Симонто.

Радость друзей, оттого что они нашли наконец друг друга, была так велика, что всю ночь они провели в церкви, благодаря Господа за то, что он был к ним столь милостив. Под утро они немного отдохнули, а потом отправились слушать мессу и все приобщились Святых Тайн, как подобает истинным христианам, прося того, кто собрал их вместе, помочь им благополучно завершить свое путешествие. После обеда они послали узнать, не спала ли вода, и когда им сказали, что река разлилась еще шире и нет никакой надежды перейти ее в ближайшие дни, они решили перебросить мост с одной скалы на другую в том месте, где расстояние между двумя берегами было всего короче. Там и посейчас еще лежат доски, положенные для пешеходов, которые, следуя из Олерона\*, не хотят переходить реку вброд. Узнав об их намерении, аббат очень обрадовался: он был уверен, что после этого число паломников и паломниц, прибывающих в монастырь, возрастет еще больше. Он дал им рабочих, но сам он был

чрезвычайно скуп и не затратил на эту постройку ни одного денье. Рабочие объявили, что мост будет построен не раньше чем через десять – двенадцать дней, и известие это весьма опечалило всех, как кавалеров, так и дам. Но жена Иркана, Парламанта, не привыкла сидеть сложа руки и предаваться унынию; испросив позволение супруга, она обратилась к почтенной Уазиль со следующими словами:

– Госпожа моя, вы столь опытны в жизни, что годились бы всем нам в матери. Неужели же вы не придумаете какого-нибудь времяпрепровождения, чтобы разогнать скуку, которая, разумеется, будет одолевать нас эти дни? Ведь если у нас не окажется на это время занятия приятного и благостного, мы легко можем даже захворать от тоски.

– И что того хуже, – добавила молодая вдова Лонгарина, – мы впадем в уныние, а это недуг неизлечимый. А у каждого из нас есть свои утраты и достаточно причин, чтобы предаваться печали.

– Но ведь не у каждой же из нас, – смеясь, заметила Эннасюита, – как у тебя, погиб муж, а что касается гибели слуг, то это не должно никого особенно огорчать, ибо не столь уж трудно достать себе новых. Я все же считаю, что нам следовало бы придумать какое-нибудь приятное занятие, чтобы скоротать эти дни, не то мы завтра же пропадем от скуки.

Ее поддержали и кавалеры, и все стали просить госпожу Уазиль, чтобы она посоветовала им, чем себя занять.

– Дети мои, вы задали мне очень трудную задачу, – отве-

тила она, — придумать занятие, которое бы избавило вас от скуки. Такого средства я искала всю свою жизнь, и вот оказалось, что единственное средство от всех печалей — Священное Писание; оно дает истинную и совершенную радость духу, от которой проистекает покой и здравие телесное. И если вы спросите меня, благодаря чему я в мои столь преклонные годы всегда здорова и весела, то знайте, что утром, едва только встав с постели, я беру Библию и, читая ее, каждый раз умиляюсь доброте Господа нашего, ради нас пославшего на землю сына своего возвестить людям его святое слово, ибо сын Божий, возлюбивший нас и ради нас понесший страдание, обещает нам прощение всех грехов и оставление всех долгов наших, даруя нам любовь свою. Созерцание это вселяет в душу мою такую радость, что я беру потом Псалтырь и с величайшим смирением повторяю в сердце своем и шепчу губами прекрасные псалмы и песни, которые Святой Дух вдохнул в творения Давида\* и других песнопевцев. И мне от этого бывает так хорошо на душе, что все горести, которые могут постичь меня в течение дня, кажутся мне благословенными, ибо в сердце моем всегда жив тот, кто ради меня перенес такие жестокие муки. То же самое я делаю и перед ужином: ухожу к себе и всегда предаюсь каким-либо назидательным размышлениям. А перед тем как лечь спать, я вспоминаю все, что я делала в этот день, чтобы испросить прощения у Господа за мои проступки и возблагодарить его за все его милости. А потом, в любви, в страхе Божьем и в



мире, оградив себя от всех печалей, я вкушаю отдых. Вот, дети мои, то времяпрепровождение, которое я себе избрала, после того как долго искала, чем бы себя занять, и ничто не давало душе моей истинного покоя. Мне думается, что, если вы каждое утро стали бы в течение часа читать Священное Писание, а затем во время мессы благоговейно повторяли бы ваши смиренные молитвы, вы в этих пустынных местах обрели бы ту красоту, которой полны города, ибо для тех, кто познал Бога, прекрасным становится все то, что озарено его присутствием, без которого все и пусто и уныло. Вот почему я и прошу вас, если вы хотите жить в радости, последуйте моему совету.

– Госпожа моя, – возразил ей Ирман, – каждый, кто читал Священное Писание, – а я убежден, что все мы его читали, – должен будет признать истинность ваших слов. Только не следует забывать, что мы еще молоды и не хотим отказывать себе в развлечениях и всякого рода телесных упражнениях; живя дома, мы, например, постоянно охотимся, и охота отвлекает нас от множества сумасбродных мыслей. Что же касается наших дам, то у них для этого есть рукоделие и хозяйство, а порою и танцы, которые нередко самым благородным образом их развлекают. Словом, от имени мужчин я хочу просить вас, чтобы, как самая старшая, вы читали нам по утрам про жизнь Господа нашего Иисуса Христа и про великие дела, которые он творил ради нас, с тем чтобы на остальное время мы избрали себе какое-нибудь занятие, которое,

не будучи вредным для души, было бы приятным для тела, и, таким образом, каждый день был бы для нас радостным.

Госпожа Уазиль сказала, что она настолько уже отошла от светской суеты, что вряд ли сумеет сама выбрать такого рода развлечение, и что следовало бы по этому поводу посоветоваться со всеми. Первым она попросила высказать свои мысли Иркана.

– Что до меня, – сказал он, – то если бы я был уверен, что выбранное мною развлечение будет столь же приятно кому-то из нас, как и мне, я назвал бы его сразу. Но покамест я лучше промолчу и послушаю, что скажут другие.

Жена его Парламента, решив, что он намекает на нее, покраснела и, полусердясь, полушутя, ответила:

– Ирган, может быть, та, которую вы больше всего боитесь огорчить, нашла бы чем вознаградить себя, если бы захотела. Но не стоит сейчас вспоминать о развлечениях, доступных только двоим, поговорим лучше о тех, которые могут быть интересны для всех нас.

– Раз моя жена верно поняла мой намек, – сказал Ирган, обращаясь к дамам, – и подобного рода развлечения ее не прельщают, я полагаю, что она лучше всех сумеет найти нечто такое, что могло бы понравиться каждому. С этой минуты я всецело доверяюсь ее выбору. Для меня существует только одна ее воля, своей у меня нет.

Решение его было одобрено всеми. Парламента же, видя, что жребий пал на нее, сказала:

— Если бы я была столь же хитроумна, как древние, которые изобрели все искусства, то, чтобы исполнить возложенную на меня обязанность, я непременно придумала бы какое-нибудь занятие или игру. Но, хорошо зная, что способности мои и умение позволяют мне только хранить в памяти то хорошее, что совершали другие, я почла бы себя счастливой, если бы могла следовать по стопам тех, кто некогда уже умел развлечь вас. Между прочим, я думаю, что все вы читали сто новелл, написанных Боккаччо, которые совсем недавно были переведены с итальянского на французский\* и которые король Франциск Первый, монсеньор Дофин\*, его супруга\* и королева Маргарита\* так расхваливали, что, если бы Боккаччо мог сейчас узнать, сколь велика оказанная ему честь, он бы непременно воскрес из мертвых. Мне довелось услышать, что совсем недавно две упомянутые выше дамы вместе с несколькими придворными решили написать нечто подобное этой книге, позволяя себе разойтись с Боккаччо только в одном: не писать ни одной новеллы, которая не была бы истинным происшествием. Таким образом, обе эти дамы решили написать по десяти новелл каждая, и к ним присоединился господин Дофин. Впоследствии же они решили довести число рассказчиков до десяти и выбрать для этого тех, у кого будет что рассказать. Заправских писателей они решили не приглашать, монсеньор Дофин не хотел, чтобы в эту затею вмешивались люди, хорошо владеющие пером. К тому же он боялся, что погоня за риторическими красо-

тами может в какой-то мере повредить жизненной правде. Но случилось так, что последовавшие вскоре после этого события — мир\*, который наш король заключил с королем английским, разрешение от бремени супруги Дофина\* и многие другие, достаточно значительные, чтобы занять внимание всего двора, — заставили их позабыть об этом намерении. И вот мы сейчас как раз могли бы осуществить его, воспользовавшись для этого тем досугом, который выдался нам на долю в ожидании, пока мост через реку будет построен. И если вам будет угодно, мы каждый день от полудня и до четырех часов можем проводить на этой прелестной лужайке на берегу горного ручья, где листва так густа, что солнечные лучи не в силах пробраться туда и помешать нам насладиться прохладой. Там каждый расскажет какую-нибудь историю, свидетелем которой был сам или которую слышал от человека, заслуживающего доверия. За десять дней у нас наберется сотня таких рассказов, и если Господь сочтет, что труд наш достоин быть прочитанным упомянутыми дамами и господами, мы по возвращении из путешествия преподнесем его им, как принято подносить молитвенники и образки. Но, впрочем, если кто-нибудь из вас изобретет нечто более занимательное, чем то, что я предлагаю, я охотно соглашусь с его выбором.

Все воскликнули, что лучшего ничего не придумать и что им не терпится поскорее приняться за игру, начать которую решено было на следующий же день.

Весь остаток дня общество провело очень весело, каждый вспоминал и рассказывал другому то, что когда-то видел. А на следующее утро все собрались в комнате госпожи Уазиль, которую они застали уже за молитвой. После этого они в течение часа слушали ее чтение, а потом со всем подобающим благочестием присутствовали на мессе. В десять часов они пообедали, и каждый удалился к себе в комнату и занялся своими делами. В полдень же все они встретились на лужайке, которая была так хороша, что нужно было бы искусство Боккаччо, чтобы ее описать. Надеюсь, однако, все мне поверят, если я скажу, что это был уголок неслыханной красоты. Когда все общество расположилось на зеленой траве, такой мягкой и нежной, что не потребовалось ни ковров, ни подушек, Симонто спросил:

– Кто же из нас начнет?

– Раз вы первый заговорили, – ответил Иركان, – то вы теперь нами и распоряжайтесь. Ведь в игре этой мы все равны.

– Я ничего не хотел бы другого в жизни, – сказал Симонто, – как распоряжаться этой компанией!

При этих словах Парламента, которая хорошо поняла их смысл, вдруг раскашлялась. Это помешало Иركانу заметить, как она покраснела, и он попросил Симонто начать свой рассказ.

# День первый

В первом дне собраны рассказы о том, какие проделки совершали женщины, чтобы обмануть мужчин, и мужчины – чтобы обмануть женщин

# Новелла первая

*Жена прокурора, за которой настойчиво ухаживал епископ Сейский, не отказала ему ни в чем, но потом, увидев, что ей с ним не веселее, чем с собственным мужем, сумела утешиться с сыном алансонского военного губернатора. Через некоторое время она, однако, сама выдала своего любовника мужу, и тот жестоко расправился с ним, после чего убийцу, несмотря на то, что преступление это ему было прощено, отправили на каторжные работы вместе с колдуном по имени Галлери, и все это случилось из-за коварства его жены*

Благородные дамы, меня так плохо отблагодарили за всю службу, которую я нес в течение долгих лет, что теперь, для того чтобы отомстить за мою любовь той, которая обращалась со мной столь жестоко, я возьму на себя труд припомнить все козни женщин, которые пришлось вытерпеть нам, несчастным мужчинам, и могу заверить вас, что все, что я здесь расскажу, будет сущою правдой.

В городе Алансоне во времена герцога Карла, последнего герцога Алансонского\*, жил прокурор по имени Сент-Эньян, женившийся на женщине из хорошего рода, в которой было больше красоты, нежели добродетели. За женщи-

ной этой, соблазненный ее прелестями и ее кокетством, весьма настойчиво ухаживал епископ Сейский\*. Чтобы лучше достичь своей цели, сей пастырь так сумел обойти ее супруга, что тот не только не заметил преступной любовной связи, в которую вступила жена, но даже пренебрег своим долгом перед герцогом и герцогиней, которым дотоле он ревностно служил. Из верного слуги он превратился в их тайного врага и в конце концов даже стал искать человека, который бы помог ему чарами умертвить герцогиню. Словом, епископ довольно долго разделял ложе с нечестивой женой прокурора, которая отвечала на его ласки скорее из корыстолюбия, нежели из любви, а также и потому, что супруг ее сам невольно потворствовал этой связи.

Но в Алансоне жил один молодой человек, сын военного губернатора, к которому женщина эта воспылала безумной страстью. И она нередко просила епископа послать ее мужа куда-нибудь с поручением, дабы в это время увидеться с этим юношей, имя которого было дю Мениль. И так они жили долгое время: связь с епископом ей была выгодна, а утехами любви ее дарил упомянутый дю Мениль. И она клялась своему юному любовнику Господом Богом, что дарит епископу свою благосклонность ради того лишь, чтобы им обоим было легче встречаться, что в награду за все услуги, которые он ей оказал, святой отец получает одни только обещания и больше ничего не получит.

Однажды, когда муж ее отправился к епископу, она по-



просила его позволить ей уехать в деревню, сумев убедить его, что городской воздух ей вреден. А едва только она очутилась у себя в поместье, она написала дню Менилю, прося его непременно приехать к ней около десяти часов вечера. В назначенный час юноша явился. Но та самая служанка, которая обычно его впускала, открыла ему дверь и сказала:

— Друг мой, ступайте назад, место ваше занято.

Будучи уверен, что это вернулся муж, несчастный юноша спросил ее, как это могло случиться. Добрая женщина жалась над ним и, видя, что этот красивый и благородный молодой человек так страстно любит и так мало любим, рассказала ему про легкомыслие своей госпожи, ибо надеялась, что, когда он узнает обо всех ее проделках, он излечится от своей безумной страсти. Не скрыла она и того, что епископ Сейский приехал сюда и теперь улегся с ее госпожою спать. Та в этот день его никак не ждала, ибо по уговору он должен был явиться сюда только завтра. Оказалось же, что епископ задержал у себя ее мужа, а сам приехал еще ночью, чтобы ее увидеть. Кто был огорчен, так это дню Мениль! Отказавшись верить всему, что слышал, юноша спрятался в соседнем доме и караулил там до трех часов ночи, пока наконец не увидел своими глазами, как епископ выходит от его возлюбленной переодетый, но не так, чтобы его нельзя было узнать.

В отчаянии он вернулся в Алансон, куда вскоре возвратилась и его неверная подруга. Считая, что ей и на этот раз удалось обмануть любовника так же, как она обманывала его

раньше, она, как ни в чем не бывало, заговорила с ним. Но юноша сказал, что, прикоснувшись к святыне, она вобрала в себя столько святости, что ей не подобает теперь разговаривать с таким грешником, как он, сам же он так глубоко раскаялся во всем, что надеется получить прощение за свой грех. Когда она поняла, что ее тайна раскрыта и что ни мольбы, ни клятвы, ни обещания ей уже не могут помочь, она пожаловалась на юношу своему епископу. А после того, как они все вдвоем обсудили, женщина эта сказала мужу, что не может больше жить в городе Алансоне, ибо сын военного губернатора, которого она почитала своим другом, докучает ей своими домогательствами. И она попросила мужа увезти ее в Аржантан\*, чтобы ни у кого не было никаких подозрений. Муж, привыкший во всем ее слушать, согласился. Но вскоре после того, как они переселились туда, эта вероломная женщина велела сказать дю Менилю, что он вел себя как самый последний негодяй, что она узнала, что он публично возводил хулу на нее и на епископа, и что она заставит его в этом раскаяться.

Молодой человек, который и вообще-то не говорил об этом ни с кем, кроме нее самой, и который паче всего боялся попасть в немилость к епископу, отправился в Аржантан, захватив с собою двух слуг, и нашел свою даму за вечерней в доминиканском монастыре. Он опустился возле нее на колени и сказал:

— Сударыня, я приехал сюда, чтобы поклясться перед Гос-

подом Богом, что никогда ни с кем не говорил о том, что касается вашей чести, кроме вас самих. Вы так коварно поступили со мной, а я еще не высказал вам половины той обиды, которая у меня накопилась. И если нашелся какой-нибудь человек, будь то женщина или мужчина, который утверждает, что я что-либо говорил о вас, то я здесь для того, чтобы изобличить их в вашем присутствии во лжи.

Дама эта, видя, что в церкви много народу и что молодой человек явился в сопровождении двух надежных слуг, принудила себя говорить с ним очень любезно, уверив его, что нимало не сомневается в его порядочности и знает, что он вообще не способен дурно говорить ни о ком на свете, тем более о ней самой, – ведь она была к нему так добра. Но она сказала, что сплетни эти дошли до ее мужа, и попросила его прийти к ним, чтобы оправдаться и во всем его разуверить. Дю Мениль охотно на это согласился и, собираясь проводить ее домой, хотел взять ее под руку. Однако она этому воспротивилась, сказав, что ему лучше не приходить домой вместе с ней, так как тогда муж ее может подумать, что все это сделано по ее настоянию. После чего, схватив за рукав одного из слуг, она сказала:

– Отпустите его сейчас со мной, а когда придет время, я его за вами пришлю. А покамест идите и отдыхайте.

Ни о чем не подозревая, молодой человек вернулся к себе. Она же накормила слугу ужином и, сколько тот ни спрашивал, не пора ли идти за господином, каждый раз отвечала

ему, что еще рано. А когда стало совсем темно, она тайком послала за дю Менилем одного из своих собственных слуг. Молодой человек, который представить себе не мог, что против него что-то замышляют, сейчас же отправился к дому Сент-Эньяна, где дама эта все еще держала у себя его другого слугу, так что при нем находился только один. Когда же они вошли в дом, приведший его слуга сказал ему, что его госпожа хочет поговорить с ним раньше, чем он встретится с ее мужем, что она сейчас дожидается его в комнате и что там, кроме нее и его собственного слуги, никого нет. Другого же слугу он посоветовал ему отослать домой. Молодой человек послушался этого совета и отпустил слугу. А когда он стал подниматься по узенькой темной лестнице, прокурор Сент-Эньян, скрывавшийся в засаде со своими людьми, услышал шум и спросил:

– Кто там?

Ему ответили, что кто-то забрался в дом. В то же мгновение Том Герен, наемный убийца, которого для этой цели и нанял прокурор, выскочил из засады и нанес молодому человеку столько ударов шпагой, что, как тот ни защищался, он изнемог и упал замертво. Слуга, разговаривавший в это время с хозяйкой дома, воскликнул:

– Я слышу на лестнице голос моего господина! Я пойду туда!

Но та удержала его, сказав:

– Не беспокойся, он сейчас придет сюда сам.

Немного спустя, когда слуга услышал, как его господин закричал: «Я умираю и предаю дух мой Господу Богу!» – он хотел кинуться ему на помощь, но коварная женщина снова его удержала.

– Не беспокойся, – сказала она, – это муж мой выговаривает ему за его легкомыслие, пойдем посмотрим, что там такое.

И, перегнувшись через лестничные перила, она спросила:

– Ну что, готово?

– Иди посмотри, – ответил муж, – наконец-то я отомстил за тебя тому, кто столько времени тебя позорил.

С этими словами он нанес еще десять или двенадцать ударов кинжалом человеку, на которого, пока тот был жив, он никогда не осмелился бы напасть.

После того как совершилось это убийство, слуги дю Мениля убежали, чтобы уведомить обо всем несчастного отца. Сент-Эньян стал бояться, что преступление его будет раскрыто. Однако слуги убитого свидетелями быть не могли, а в доме никто ничего не видел, кроме самих убийц, пятнадцатилетней девочки и старой служанки. Сент-Эньян решил потихоньку разделаться со старухой, но этой столь опасной для него свидетельнице удалось убежать и найти убежище в доминиканском монастыре. Молодая девушка оставалась еще несколько дней в их доме. Однако, по наущению Сент-Эньяна, один из убийц соблазнил ее и увез в Париж, где поместил в публичный дом, дабы свидетельству ее не было веры.

Чтобы скрыть все следы своего преступления, Сент-Энъян велел сжечь труп несчастного. Кости же, которые не сгорели, он распорядился бросить в кадку с известью, приготовленной им для постройки дома. После этого он отправил к королевскому двору со своим посланным просьбу о помиловании. Он писал, что ему приходилось не раз уже защищать свой дом от некоего человека, который был у него на подозрении: человек этот преследовал его жену с самыми низкими побуждениями и, невзирая на то, что та отказала ему, забрался ночью к ним в дом, дабы склонить ее на измену. Вот почему, обнаружив его у дверей ее комнаты, он в пылу гнева убил его, хорошенько не подумав о том, что творит. Однако еще до того, как это письмо было доставлено канцлеру, несчастный отец успел известить герцога и герцогиню обо всем случившемся, и те сообщили канцлеру об обстоятельствах преступления. Сент-Энъян, видя, что его теперь уже не помилуют, бежал в Англию, захватив с собой жену и кое-кого из родных. Прежде чем уехать, он сказал убийце, которого нанимал, что есть приказ короля схватить его и умертвить, но в благодарность за оказанную услугу он хочет спасти ему жизнь. Поэтому он дает ему десять экую и советует покинуть пределы Франции. Послушавшись совета прокурора, убийца скрылся, и сколько его ни искали, найти не могли.

Как слуги убитого, так и старая служанка, удалившаяся в доминиканский монастырь, подтвердили, что имело место убийство, были обнаружены спрятанные в кадке с известью

кости, и таким образом следствие было доведено до конца и виновность Сент-Эньяна и его жены установлена. Их судили заочно и обоих приговорили к смертной казни. Имущество его постановили конфисковать и передать в казну, отцу же убитого возместить полторы тысячи экю судебных издержек.

Сент-Эньян, находившийся в это время в Англии, узнав, что французский суд вынес ему смертный приговор, через посредство влиятельных вельмож и родственников жены добился того, что английский король\* обратился к французскому с просьбой помиловать его и возвратить ему состояние и звание. Французский же король, узнав, сколь чудовищно совершенное им преступление, послал все дело королю английскому, дабы тот мог убедиться, что виновный не заслуживает снисхождения, и добавил при этом, что право миловать в герцогстве принадлежит одному только герцогу Алансонскому. Но король английский на этом не успокоился, продолжал упорно настаивать, чтобы прокурора помиловали, и в конце концов добился, что просьба Сент-Эньяна была удовлетворена. Прокурор вернулся домой и, в довершение своих злых умыслов, обратился еще к колдуну по имени Галлери, рассчитывая, что с помощью его чар он сможет быть избавлен от уплаты полутора тысяч экю, причитавшихся отцу убитого.

С этой целью они вместе с женой, переодетые, отправились в Париж. Сент-Эньян подолгу запирался там с Галлери и не говорил жене, что они делают там вдвоем. Однажды

утром она подглядела за ними и увидела, что колдун показывает ее мужу пять деревянных человеческих фигурок и что у трех из них руки опущены, а у двух подняты. Она слышала, как Галлери сказал прокурору: «Нам надо будет сделать точно такие же из воска — с опущенными руками для тех, кого надо будет умертвить, и с поднятыми — для тех, у кого вы хотите быть в милости». А прокурор ответил: «Пусть это будет фигура короля, чью любовь я хочу снискать, а это вот — моего господина, канцлера Алансонского\* Бринона». Тогда Галлери сказал ему: «Надо будет положить эти изображения под алтарь перед началом мессы и произнести те слова, которые я вам укажу».

И, перебирая фигурки, у которых руки были опущены, прокурор сказал, что одна из них будет господином Жилем дю Менилем, отцом убитого, ибо хорошо знал, что тот, пока жив, будет неминуемо его преследовать. А одна из женских фигурок с опущенными руками будет герцогиней Алансонской, сестрой короля\*, ибо та очень привязана к отцу убитого, своему преданному слуге, и, кроме того, знает о нем столько всего худого, что если он не умертвит ее, то ему лучше не жить; другую женскую фигурку с опущенными руками он предназначил для собственной жены, первопричины всех его зол, ибо уже больше не надеялся на ее исправление. Когда молодая женщина, подглядывавшая сквозь замочную скважину, увидела, что и она сама попала в число жертв Сент-Эньяна, она подумала, что первое, что ей следу-



ет сделать, — это его упредить. И, притворившись, что идет взять займы денег у своего дяди, некоего Нофля, служившего сборщиком податей у герцога Алансонского, она рассказала тому все, что видела и слышала. Нофль был человеком уже немолодым и очень порядочным. Он тут же отправился к канцлеру Алансонскому и рассказал ему всю эту историю. А так как герцога и герцогини Алансонской в этот день при дворе не было, канцлер поведал эту удивительную историю госпоже регентше\*, матери короля и означенной герцогини, и та сразу же послала туда парижского прево по имени Ля Барр\*, дабы все расследовать. Тот арестовал прокурора и колдуна Галлери, причем не понадобилось ни пыток, ни принуждения, чтобы заставить их сознаться в преступлении, которое они замыслили. Делу был дан ход. Доложили обо всем королю. У обвиняемых нашлись заступники, которые, дабы спасти их жизнь, утверждали, что все это чародейство было затеяно затем, чтобы снискать милость короля. Но король, которому жизнь сестры была столь же дорога, как и его собственная, приказал судье вынести виновным приговор не менее строгий, чем если бы они замыслили против его собственной особы. Однако, несмотря ни на что, сестра короля, герцогиня Алансонская, обратилась к брату с просьбой даровать прокурору жизнь, заменив ему смертную казнь каким-либо другим тяжким наказанием. Просьба эта была исполнена: Сент-Эньян и Галлери были отправлены в Марсель на галеры Сен-Бланкара\*, где они оставались в

неволе до конца своих дней и где у них было достаточно времени, чтобы поразмыслить о тяжести содеянного ими преступления. Жена же его, оставшись одна, продолжала вести распутную жизнь и умерла смертью грешницы.

– Подумайте только, благородные дамы, какое зло может причинить дурная женщина и причиною скольких бед явилась греховная жена Сент-Эньяна. Вы увидите, что, с тех пор как Ева ввела во искушение Адама, все женщины присвоили себе право всячески мучить мужчин, они бывали причиной их смерти и губили их души. Что же касается их жестокости, то я знаю, что причиной моей смерти и ожидающих меня загробных мук будет то отчаяние, в которое меня повергла одна из них. А я, в безумии своем, еще считаю, что ад, который она для меня готовит, милее для меня, чем рай, дарованный мне другой женщиной.

Парламанта, стараясь не показать виду, что слова эти относятся к ней, сказала ему:

– Если ад так приятен вам, как вы говорите, вам не следует бояться и дьявола, который вас туда ввергнул.

– Если бы мой дьявол явился во всей черноте того зла, которое он мне причинил, – гневно ответил Симонто, – то все наше общество испытало бы при виде его страх не меньший, чем то удовольствие, с каким я на него гляжу. Только пламя моей любви заставляет меня позабыть о пламени ада. Но, чтобы прекратить этот разговор, я прошу госпожу Уазиль взять слово и рассказать вторую новеллу, ибо уверен,

что, ежели она захочет поведать нам о женщинах все, что знает, рассказ ее явится подтверждением моих взглядов.

Вся компания сразу повернулась к почтенной даме, и все стали просить ее поскорее приступить к своему рассказу, что она и не замедлила сделать.

И, засмеявшись, она начала так:

– Мне кажется, благородные дамы, что тот, кто мне сейчас предоставил слово, после того как сам рассказал нам истинное происшествие, случившееся с одной несчастной, наговорил столько всего худого о женщинах вообще, что я должна теперь перебрать в памяти далекие годы и вспомнить какую-нибудь одну, чья добродетель могла бы опровергнуть то дурное мнение, которое у него сложилось. И мне как раз вспоминается одно происшествие, оно стоит того, чтобы о нем не забыли. Сейчас я вам его расскажу.

## Новелла вторая

*Жена амбуазского погонщика мулов отказалась удовлетворить низменные желания своего слуги и предпочла жестокую смерть*

В городе Амбуазе\* жил некий погонщик мулов. Он был на службе у королевы Наваррской, сестры короля Франциска Первого, которая в то время жила в Блуа\* и у которой только что родился сын. Туда-то и отправился погонщик мулов, чтобы получить свое жалованье за три месяца, жена же его осталась одна в Амбуазе по другую сторону реки.

Один из их работников давно уже был до безумия влюблен в нее и в конце концов как-то раз не выдержал и открыл ей свою любовь. Но, как и подобает женщине целомудренной, она встретила его весьма нелюбезно и даже пригрозила, что скажет об этом мужу и попросит, чтобы тот его побил и выгнал из дому.

После этого он ей больше ни слова не говорил о своем чувстве и ничем его не выказывал. Огонь этот он хранил втайне в своем сердце до того самого дня, когда хозяин его уехал, а хозяйка отправилась к вечерне в церковь Святого Флорентина при королевском замке, находившуюся довольно далеко от их дома. Когда разгоряченный страстью работник остал-

ся один, ему пришло в голову, что он может силою овладеть той, которая была глуха ко всем доказательствам его любви и ко всем его мольбам. И он проломал дыру в деревянной перегородке, отделявшей его комнату от спальни хозяйки. А так как в этой спальне стена возле кровати была прикрыта занавесью и в комнате работника стена была точно так же занавешена, то сделанный им пролом остался никем не замеченным, и, вернувшись из церкви, хозяйка и жившая вместе с нею девочка одиннадцати-двенадцати лет спокойно улеглись спать. Едва только ничего не подозревавшая женщина уснула, как работник, в одной ночной рубашке и держа в руке обнаженную шпагу, проник в комнату и забрался в кровать к своей хозяйке. Увидав его около себя, та сразу же соскочила с постели и, будучи женщиной честной, старалась его образумить, как только могла. Ему же язык мулов был бы в эту минуту понятнее самой разумной человеческой речи – он был до такой степени охвачен плотской страстью, что стал еще большим скотом, чем те животные, с которыми он столько времени пробыл. Видя, что женщина бежит вокруг стола и никак не дается ему в руки и что она достаточно сильна, так как ей два раза удавалось вырваться из его рук, он отчаялся завладеть ею живой и решил использовать для этого последнее средство: он изо всей силы ударил ее шпагою по спине, думая, что, если он ни страхом, ни силой никак не мог ее одолеть, жестокая боль принудит ее все-таки сдаться. Случилось, однако, совсем другое. Точно так же, как

истый воин, завидев кровь, разгорается еще больше и хочет отомстить врагам и стяжать себе славу, так и у этой целомудренной женщины словно прибавилось сил: она вырывалась из рук негодяя, убегала от него и продолжала с еще большим рвением увещевать его, стараясь, чтобы он понял всю низость своих побуждений. Однако тот был так разъярен, что, не слушая ее слов, нанес ей еще несколько жестоких ударов. До тех пор, пока несчастная женщина держалась на ногах, она все еще старалась от него ускользнуть. А когда наконец она уже совсем ослабела и почувствовала, что смерть близка, она воздела очи к небесам, сложила руки и обратилась с молитвою к Богу, наделившему ее силою, добродетелью, целомудрием и терпением, моля его узреть ту кровь, которая была пролита, дабы не ослушаться его велений и в память о крови, пролитой его сыном, способной, как она твердо верила, смыть всякое зло. И словами: «Господи, прими душу, искупленную милосердием Твоим», – она упала на землю лицом вниз. Негодяй нанес ей еще несколько ударов, а потом, когда она уже не в состоянии была ничего сказать и совсем ослабела, отнял у нее силу то, что защитить она уже не могла.

Едва только работник удовлетворил свое мерзкое вожделение, он бежал – и с такой поспешностью, что, сколько его потом ни искали, найти никак не могли. Девочка, спавшая в той же комнате, до того испугалась, что спряталась под кровать. Но едва только она уверилась, что насильник убежал,

она кинулась к своей хозяйке и увидела, что та уже ничего не говорит и еле дышит. Тогда она высунулась в окно и стала звать на помощь соседей, которые любили и уважали ее хозяйку, как женщину порядочную, и тут же все сбежались, приведя с собою хирургов\*. И эти, осмотрев ее, обнаружили у нее на теле двадцать пять ран, оказавшихся смертельными. Они пытались всячески помочь ей, но старания их были напрасны. Несчастная протомилась еще около часу, так и не вымолвив ни слова. И только по тому, что она делала какие-то знаки то глазами, то рукой, можно было видеть, что сознание она не потеряла. Когда вызванный к ней священник стал спрашивать, верит ли она и надеется ли на то, что Иисус Христос один может даровать ей спасение души, она отвечала ему знаками, изъяснявшими едва ли не лучше, чем то могли бы сделать слова, что умирает она настоящей христианкой. Вот так, с радостью на лице, с глазами, воздетыми к небесам, она отдала свое целомудренное тело земле, а душу – Господу. И только когда ее уже одели и положили в гроб, а гроб в ожидании погребения поставили перед домом, явился несчастный муж. И первое, что он увидел, прежде чем успел что-либо узнать, была покойница в гробу. Когда же ему рассказали, что послужило причиною ее смерти, он так опечалился, что чуть было не отдал Богу душу. А мученицу целомудрия погребли в церкви Святого Флорентина, и все порядочные женщины этого города собрались отдать ей последний долг и чувствовали себя счастливыми, что имен-

но в их числе оказалась столь добродетельная жена. Женщины же легкомысленные и ветреные, видя, сколько почестей воздают ее телу, прониклись уважением к ней и решили с тех пор вести себя иначе.

– Вот, благородные дамы, истинное происшествие, которое должно еще больше побудить всех нас беречь добродетель и целомудрие, ибо им нет цены. И мы, женщины благородного происхождения, должны бы сгореть со стыда, когда в сердце нашем рождается вожделение, видя, как несчастная жена погонщика мулов не побоялась столь жестокой смерти, чтобы только этому вожделению не поддаться. А есть ведь среди нас и такие, которые считают себя женщинами порядочными, в то время как им еще не пришлось испытать, что значит заплатить за честь свою кровью. И нам следует смириться, ибо милость Господня дается не только людям богатым и благородным, а всем тем, кого Господь возлюбит в своей доброте; он ведь не принимает в лоно свое кого попало, а избирает сам угодных ему, а избранник его творит ему хвалу добродетелями своими. Избирает же он нередко людей простых и незаметных, чтобы не слишком возгордились те, кому благородство и высокое положение приносят почести в свете. Ведь и в Писании сказано: не будем радоваться добродетели нашей, возрадуемся только тому, что имена наши занесены в Книгу Бытия, где их не сотрут ни Смерть, ни Ад, ни грехи наши.



Не было ни одной дамы, которая бы не прослезилась от жалости к несчастной, сумевшей умереть столь достойно. И каждая в душе думала, что, если с ней приключится нечто подобное, она постарается последовать примеру мученицы.

Тогда госпожа Уазиль, видя, что все наперерыв восхищаются этой женщиной и воздают ей хвалу, сказала Сафредану:

— Вы должны сейчас же рассказать что-нибудь, чтобы рассмешить нашу компанию, вы один только можете загладить ошибку, которую я совершила, заставив всех плакать. Передаю вам слово, чтобы вы рассказали третью новеллу.

Сафредан, который горел желанием рассказать что-нибудь, что доставило бы удовольствие всей компании, а в особенности одной из дам, вначале стал было отговариваться тем, что среди присутствующих есть люди и старше, и опытнее его, которым надлежало бы быть первыми, но потом сказал, что, коль скоро уж ему выпал этот жребий, он поторопится исполнить то, чего от него хотят, ибо, если ему придется говорить после них, он окажется в еще более трудном положении.

## Новелла третья

*Королева Неаполитанская отомстила супругу своему, королю Альфонсу\*, который ей изменял, изменив ему сама с мужем своей соперницы, и любовная связь ее с ним продолжалась до конца их дней, причем король никогда о ней не подозревал*

Благородные дамы, поелику я сам не раз завидовал счастьем того, о ком будет сейчас идти речь, я должен сказать вам, что в городе Неаполе в царствование короля Альфонса, известного своим распутством, жил некий молодой человек, столь красивый, обходительный и благородный, что один весьма почтенный дворянин выдал за него замуж свою дочь, которая не уступала ему ни в добродетели, ни в красоте; и жили они очень дружно до дня карнавала, когда король, надев маску, по обыкновению ходил из дома в дом и каждый старался принять его как можно лучше. И вот, когда он зашел в дом того молодого дворянина, о котором я только что говорил, его встретили там еще более радушно, чем в других домах, потчевали самыми изысканными яствами и услаждали слух его пением и музыкой. Принимала же его такая красавица, какой король не видывал в жизни. А когда празднество окончилось, она вместе со своим мужем спела

такую прелестную песенку, что красота ее стала как будто еще притягательнее. Видя столько совершенств, соединившихся вместе в ней одной, король пленился этою женщиной и, в душе нисколько не радуясь тому, что супруги нежно любят друг друга, стал думать, как бы отбить красавицу у мужа. Однако это было делом нелегким. И вот король затаил в своем сердце страсть и от всех ее самым тщательным образом скрывал.

Чтобы чаще видеть предмет своей любви, он стал устраивать празднества для неаполитанских синьоров и дам и каждый раз приглашал на них молодого дворянина и его супругу. А когда человек чего-либо сильно хочет, он готов поверить тому, что желание его исполнится. Так вот и королю казалось, что взгляды этой красавицы уже начинают ему отвечать и единственное, что мешает им обоим, это присутствие мужа. Чтобы удостовериться, что это действительно так, он дал ее мужу какое-то поручение в Рим и уславил его туда недели на три. Едва только тот уехал, жена, у которой еще свежа была память о нем, стала по нем тосковать. Видя это, король принялся утешать ее, обращаясь к ней с ласковыми речами и поднося ей бесчисленные подарки. И дело кончилось тем, что женщина эта не только позабыла о своем горе, но даже была как будто довольна тем, что муж ее далеко. Не прошло и трех недель, как она со всею страстью влюбилась в короля и мысль о возвращении ее супруга стала для нее таким же источником огорчений, каким в первые дни была разлука с

ним. А чтобы любовники могли встречаться и впредь, они условились, что, как только муж уедет к себе в поместье, жена тут же даст знать королю, который явится к ней тайком, и таким образом доброе имя ее – а им красавица дорожила больше, чем совестью, – будет вне подозрений.

Надежда эта наполняла сердце ее радостью, и, когда муж ее вернулся, она так ласково его приняла, что, хотя он уже прослышал о том, что во время его отсутствия король не раз навещал его жену, он был далек от того, чтобы в чем-либо ее заподозрить. Но все тайное становится явным: начав сомневаться в честности жены, муж принялся тщательно ее выслеживать, и то, что он узнал, только подтвердило его догадки. Однако, опасаясь, что, если он выдаст себя, виновник его несчастья найдет нужным расправиться с ним, молодой дворянин почел за благо не подавать виду, что узнал о своей беде, и решил, что лучше уж сносить ее молча, чем riskовать жизнью из-за женщины, которая его нисколько не любит.

Глубоко огорченный всем, что узнал, он решил воздать королю по возможности тем же. Он знал, что обида имеет больше власти над женщиной, чем любовь, особенно если у этой женщины благородное и гордое сердце. И вот, явившись как-то раз к королеве, он взял на себя смелость сказать ей, что жалеет о том, что король, ее муж, не любит ее так, как она этого заслуживает. Королева, до которой уже дошли слухи об увлечении короля женою этого дворянина, ответила:

– Я не могу одновременно и пользоваться почестями, и

вкушать наслаждение. Я отлично знаю, что, хотя меня и окружают почести, наслаждение достается не мне, а другой. Но зато у той, которая его вкушает вместо меня, нет не только никаких почестей, но не осталось и чести.

Хорошо понимая, кого она имеет в виду, молодой человек сказал ей:

– Государыня, почет, который все воздают вам, родился вместе с вами. Вы происходите из такого знатного дома, что, будь вы не только королевой, но даже императрицей, и это бы ничего не прибавило к вашему исконному благородству. Но красотой своей, обаянием и возвышенностью души вы заслужили право вкушать наслаждение, и женщина, которая отнимает у вас то, что принадлежит только вам, больше всего вреда наносит этим себе самой. Ибо во имя сомнительной славы, которая в действительности является ее позором, она лишает себя таких наслаждений, каких ни одна из ваших подданных никогда не вкушала, да и сами вы, может быть, тоже. И уверяю вас, государыня, что если бы король снял с головы своей корону, то в глазах женщины у него не было бы ни малейшего преимущества передо мной. Даже больше: для того чтобы усладить такую благородную даму, как вы, он, пожалуй, был бы не прочь поменяться со мною наружностью.

– Хотя король, может быть, и не так крепко сложен, как вы, – рассмеялась королева, – любовь его доставляет мне такую радость, что я предпочитаю ее всему на свете.

– Государыня, – возразил молодой дворянин, – если бы это действительно было так, вы не внушали бы мне ни малейшей жалости, ибо я знаю, что любовь ваша, нашедши отклик в сердце короля, удовлетворила бы вас сполна. Но Господь вас сохранил от этого, ведь если бы вы нашли в своем супруге все, что хотели, он стал бы вашим богом здесь на земле.

– Должна вам признаться, – сказала королева, – что любовь моя к нему так велика, что другой такой ему нигде не найти.

– Простите меня, государыня, – отвечал ей молодой дворянин, – но вы ведь не измеряли силу чужой любви. Осмеюсь сказать, что есть сейчас на свете человек, который вас любит, и любовь его столь сильна и столь велика, что ваша не может с нею сравниться. И оттого что он видит, что ваша любовь к королю обманута, чувство его к вам все растет и растет, и стоит вам только снизойти к нему, как вы будете вознаграждены за все, что вы потеряли.

Слушая его слова и видя, как он переменялся в лице, королева начала догадываться, что все, что он говорит, идет из самых глубин его сердца. Теперь она поняла, почему он всегда так старался чем-нибудь услужить ей, поняла, что настоящей причиной его постоянной грусти, которую она приписывала одному только горю, была его страсть к ней самой. Какое-то внутреннее чувство, которое всегда сопутствует любви, если это настоящая любовь, убедило ее в том, что было

скрыто от всех.

И, глядя на молодого дворянина, который был гораздо стройнее и красивее ее мужа, и зная, что он брошен женой, точно так же, как она брошена королем, томимая тоскою и ревностью к мужу и тронутая любовью несчастного, она вздохнула и, заплакав, сказала:

— О господи! Неужели же жажда мести сделает со мною то, что было не под силу сделать ничьей любви!

Услыхав эти слова, молодой человек ответил:

— Государыня, сладка не та месть, которая убивает врага, а та, которая несет жизнь истинному другу. По-моему, пора уже вам узнать правду и забыть о напрасной и неразумной любви, которую вы питаете к тому, кто сам вас несколько не любит. Только подлинная любовь способна избавить вас от постоянных опасений, которым не должно быть места в сердце возвышенном и благородном. Давайте же позабудем сейчас о вашем высоком положении и подумаем лучше о том, что никто на свете не был так предательски обманут самым любимым человеком, как вы и я. Отомстим им обоим, и не столько для того, чтобы им воздать по заслугам, сколько для того, чтобы предаться любви, которую я уже больше не в силах сдержать. И я думаю, что, если только сердце у вас не такое, как камень или алмаз, не может быть, чтобы вы не ощутили хоть самой малой искорки от огня, который разгорается во мне тем больше, чем больше я стараюсь от вас скрыть. И если жалость к человеку, который умирает от

любви к вам, не может заставить вас возгореться к нему такой же любовью, то пусть тогда это будет жалость к самой себе. Ужели красота ваша не достойна любви всех самых благородных людей на свете, — а ведь человек, ради которого вы отвергли всех остальных, жестоко пренебрег вами.

Слова эти сильно взволновали королеву, и, боясь, что краска на лице выдаст ее душевное смятение, она позволила молодому дворянину взять себя под руку, и они вышли с ним в сад и долго потом гуляли вместе. Но она так и не сказала ему ни слова. Видя, однако, что она уже начинает поддаваться его влиянию, молодой человек дождался, пока они вышли в глухую аллею, где никто их не мог увидеть. Там-то он и высказал ей всю свою любовь, которую столько времени вынужден был таить в сердце. Королева уступила его настояниям, и оба они насладились сладостью мести, ибо сдерживать себя далее у них уже не было сил. И они решили, что теперь, когда молодой дворянин поедет в свое поместье и заметит, что король отправляется из замка в город, он каждый раз будет возвращаться в замок, чтобы свидеться с королевой. Так они сумеют обмануть обманщиков, и в то время как те будут думать, что наслаждению предаются только они одни, двое других точно так же вкусят это наслаждение в полной мере. Условившись обо всем, они расстались; королева вернулась в свои покои, а молодой дворянин — к себе домой; оба были так всем довольны, что позабыли о своих прежних невзгодах. И если раньше каждый из них боялся встреч короля с



его любовницей, то теперь страх этот уступил место желанию, чтобы они непременно встречались, и молодой дворянин все чаще стал теперь уезжать в свое поместье, которое было в расстоянии получаса езды от дома. Едва только король узнавал об этом, он сразу же отправлялся к его жене, а муж, дождавшись наступления темноты, прокрадывался в замок и проводил там ночь с королевой, причем умел быть настолько осторожным, что по-прежнему оставался никем не замеченным. И жили они так очень долго. Но король был человеком слишком известным для того, чтобы любовь его могла оставаться скрытой, в конце концов его тайна сделалась достоянием всех и многие стали жалеть обманутого супруга. Кое-кто из молодых людей не прочь был иногда, правда, посмеяться над его смешным положением, наставляя ему сзади рога. Он отлично это замечал, но ему это было даже приятно, ибо рога эти в его глазах стоили королевской короны. Как-то раз, когда король был в доме своей возлюбленной, оба они взглянули одновременно на висевшую на стене оленью голову и, смеясь, сказали друг другу, что голове этой как нельзя лучше пристало быть в этом доме. Молодой дворянин оказался, однако, достаточно находчивым и сделал под этой оленьей головой надпись:

Io porto le corna, ciascun lo vede;  
Ma tal le porta, che non lo crede<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Я ношу рога – все это видят, но есть человек, который носит их, не подозревая

Когда королю довелось снова побывать в их доме, он обратил внимание на только что сделанную подпись и спросил, что означают эти слова. Тогда хозяин дома сказал ему:

– Если тайна короля сокрыта от оленя\*, не следует и тайну оленя раскрывать королю. Но только знайте, что не у всех, кто носит рога, они бывают заметны, ибо рога эти подчас так нежны, что не могут испортить ничьей прически, легче же всего их носить тому, кто не обращает на них никакого внимания.

Король понял из этих слов, что его подданный о чем-то уже догадался, но ему и в голову не пришло, что тот наслаждается ласками королевы.

Ведь чем больше та была довольна жизнью, которую вел ее муж, тем больше она притворялась огорченной и грустной. Так вот все они и прожили долгие годы – до тех пор, пока старость не вернула их на свои места.

– Вот, благородные дамы, история, которую я с большой охотой рассказываю вам здесь, чтобы впоследствии, если мужья наставят вам вдруг козлиные рога, вы сами бы им наставили оленьи.

Эннасюита засмеялась и сказала:

– Сафредан, я убеждена, что если бы вы полюбили кого-нибудь сейчас так, как умели любить когда-то, вам непре-

менно в конце концов нацепили бы рога величиною с развесистый дуб, чтобы отплатить вам той же монетой. Но теперь, когда волосы у вас седеют, страстям вашим пора бы угодиться.

— Сударыня, — ответил Сафредан, — хотя та, кого я люблю, уже лишила меня моей последней надежды, а годы лишили меня прежнего пыла, желания мои остаются такими же, какими были. Но коль скоро вы решились попрекнуть меня чувством столь благородным, я передаю вам слово, для того чтобы четвертую новеллу рассказали вы сами, — тогда все мы воочию увидим, с помощью какого примера вы докажете мне, что я был не прав.

Во время этого разговора одна из присутствующих засмеялась, ибо знала, что Сафредан в действительности не настолько уж сильно любит ту, которая приняла все эти слова на свой счет, и отнюдь не собирается носить из-за нее рога и терпеть огорчение и позор. А когда Сафредан заметил, что та, которая смеялась, догадалась обо всем, он остался очень доволен и замолчал, предоставив слово Эннасюите, которая начала так:

— Благородные дамы, для того чтобы Сафредан и все наше общество знали, что далеко не все дамы походят на королеву, о которой он только что нам рассказал, и что не все дерзкие любовники достигают своей цели, а также чтобы не скрыть от вас, как вела себя одна женщина, которая решила, что для человека, посягнувшего на ее честь, неудача сама по

себе страшнее смерти, я расскажу вам одну историю, участников которой я не назову, потому что все это было совсем недавно и я боюсь огорчить их родных, которые до сих пор еще живы.

## Новелла четвертая

*Один молодой дворянин\*, познакопившись с сестрой своего сеньора, знатнейшей дамой Фландрии, женщиной ни от кого не зависимой, которая была дважды замужем и уже дважды овдовела, решил попытать счастья, предложив ей свою нежную дружбу. Получив от нее отказ, он попытался завладеть ею силой, но она решительно этому воспротивилась. Никому ничего не сказав о намерениях и поступках молодого человека, она последовала совету своей придворной дамы\* и перестала оказывать ему то внимание, к которому он привык. Таким образом, молодой дворянин поплатился за свою дерзость и лишился возможности встречаться с любимой женщиной, что ему раньше удавалось чаще, чем кому бы то ни было*

Во Фландрии жила одна дама, происходившая из самого знатного рода этой страны. Она похоронила двоих мужей и, будучи бездетной, жила одиноко. Овдовев, она переехала к брату, который ее очень любил. Брат ее был женат на дочери короля. Молодой принц проводил жизнь в удовольствиях, любил охоту, всевозможные развлечения и женщин, как это свойственно юности, что, разумеется, не могло быть по вкусу его жене. Поэтому он всячески старался, чтобы жена его про-

водила побольше времени в обществе его сестры, которая была женщиной очень общительной и веселой и в то же время добродетельной и благоразумной. В доме этого принца находился один дворянин, который знатностью своей, красотой и хорошими манерами превосходил всех остальных. Дворянин этот, видя, что принцесса, сестра его сеньора, — дама с живым и веселым характером, решил предложить ей нежную дружбу, но в ответ получил от нее самый решительный отказ. Ответ ее был вполне достоин принцессы и женщины целомудренной, но, так как юноша был красив и благороден, она простила ему его неслыханную дерзость. Она дала ему понять, что беседа с ним ей приятна, но вместе с тем несколько раз повторила, чтобы он никогда больше не обращался к ней с подобными предложениями. Боясь окончательно потерять ее расположение и честь, которую она ему оказывала, принимая его у себя, он обещал ей, что никогда больше не заговорит с ней об этом.

Однако страсть его все больше разгоралась, и в конце концов он позабыл о своем обещании. Он, правда, не отважился обратиться к ней снова с теми же просьбами, ибо ему памятен был тот жестокий урок, который он от нее получил. Но он подумал, что если только он застанет ее где-либо в уединенном месте, то ее молодость и пышущее здоровьем тело, может быть, окажутся его союзниками и она пожалеет и его и себя.

Чтобы добиться успеха, он сказал как-то принцу, что

неподалеку от его поместья есть отличные леса и если с наступлением весны у него будет желание поохотиться на оленей, то лучшего места ему не сыскать. Принц, который питал большую симпатию к молодому дворянину и к тому же был страстным охотником, принял его приглашение и приехал к нему в его замок, который был очень красив и содержался в большом порядке, ибо дворянин этот был самым богатым человеком в округе. В одном крыле дома он поселил принца с супругой, а в другом – ту, которая была ему дороже всего на свете. Отведенную для нее комнату он постарался отделать как можно лучше, стены ее были завешаны гобеленами, а пол устлан коврами, под которыми невозможно было заметить устроенный возле самой кровати люк. Люк этот вел в нижнюю комнату, где жила его мать, которой было уже много лет и которая постоянно болела. Старушка сильно кашляла и, боясь, что может побеспокоить своим кашлем принцессу, помещавшуюся над ней, перешла на это время в комнату сына, предоставив ему свою. По вечерам она обычно заходила к принцессе и приносила ей варенье и разные сласти. В эти часы туда обычно поднимался и сам хозяин дома. А так как он пользовался особым расположением принца, то ему разрешалось присутствовать при утреннем и вечернем туалете принцессы\*, что с каждым разом все больше разжигало его страсть.

Однажды вечером молодой дворянин так долго пробыл в комнате принцессы, что ее стало уже клонить ко сну, и она

его отпустила. Придя к себе, он переоделся в свою самую парадную рубашку, надушил ее, а на голову надел щегольской ночной колпак. Поглядев на себя в зеркало, он решил, что он неотразим и что нет такой женщины, которая бы устояла перед его обаянием и красотой. И, уже предвкушая удачный исход задуманного им предприятия, он улегся в постель, не собираясь, однако, оставаться в ней особенно долго, ибо и желание и надежда подсказывали ему, что ночь эту он проведет в другой постели, что будет для него и приятнее и почетнее. После того как слуги его отправились спать, он встал и запер за ними дверь. И он долго прислушивался к каждому шороху, стараясь узнать, все ли затихло в комнате, где жила принцесса. Удостоверившись, что она мирно поживает, он принялся осуществлять свой заветный план и потихоньку приотворил люк, края которого были так искусно обиты сукном, что он открывался без малейшего шума. И, поднявшись по лестнице в комнату своей любимой, которая уже спала, он очутился у самой ее постели. В одну минуту, забыв о благородном происхождении этой дамы и о том, как он ей обязан, не испросив ее позволения и пренебрегши всякой учтивостью, он улегся возле нее и, раньше чем она успела обнаружить его присутствие, крепко сжал ее в своих объятиях. Но она была женщиной сильной: высвободившись из его рук, она принялась кричать, спрашивая, кто он такой, принялась его бить, кусать и царапать. Боясь, что она будет звать на помощь, он попытался заткнуть ей рот простыней, что ему, од-



нако, не удалось, ибо, как только она увидела, что он не щадит сил, чтобы ее обесчестить, она не пожалела своих, чтобы справиться с ним, и стала громко звать придворную даму, спавшую в той же комнате, пожилую и достойную женщину, которая тут же вскочила с постели и, как была, в одной рубашке кинулась к своей госпоже.

Молодой дворянин, увидев, что замысел его не удался, и очень боясь, что принцесса его узнает, поспешил скрыться, спустившись по той же лесенке вниз. Пылкие желания и надежды, с которыми он поднимался наверх, сменились отчаянием. Он зажег свечу, посмотрел на себя в зеркало и, увидев, что лицо его покрыто следами укусов и царапинами и залито кровью, так же как и его рубашка, на которой крови теперь было больше, чем золотых вышивок, подумал:

«О, моя красота! Ты теперь получила сполна по заслугам, ведь это ты ввела меня в соблазн, ты внушила мне мысль совершить невозможное, и, вместо того чтобы вкусить еще большую радость, я теперь повергнут в несказанное горе. Я ведь уверен, что, если только она узнает, что я нарушил данное ей обещание и позволил себе совершить это безрассудство, я потеряю все ее расположение и то предпочтение, которое она всегда мне оказывала, принимая меня у себя в доме чаще, чем всех остальных. Что делать, я все это заслужил: мне ведь вовсе не следовало добиваться ее любви тайком и пытаться овладеть силой ее целомудренным телом. Вместо этого я должен был смиренно и терпеливо ожидать, пока лю-

бовь моя одержит победу и принцесса оценит по достоинству и красоту мою, и мое обращение с нею. Ибо если нет любви, то никакие достоинства человека вообще ничего не стоят». Так он провел всю ночь в слезах, в скорби и в безмерном раскаянии. А поутру, понимая, что с таким исцарапанным лицом он не может появиться к столу, он притворился больным и, велев сказать, что у него нестерпимо болят глаза от света, выждал, пока гости его уехали.

Принцесса, вышедшая из борьбы победительницей, была уверена, что никто из придворных не осмелился бы совершить столь дерзкий поступок, и не сомневалась, что это был именно он, любимец ее брата, который однажды уже признавался ей в своей страсти. Обыскав вместе со своей придворной дамой все уголки комнаты и не обнаружив никаких следов, она в гневе воскликнула:

– Уверяю вас, что это не кто иной, как хозяин этого дома. Пусть же завтра брат мой увидит на его лице доказательства моего целомудрия.

Видя ее негодование, придворная дама сказала:

– Ваша светлость, это хорошо, что вы так дорожите своей честью и для того, чтобы еще больше укрепить ее, готовы принести в жертву того, кто не пожалел ее именно потому, что так сильно вас любит. Но нередко человек думает, что сохраняет свою честь, в то время как в действительности он ее теряет. Поэтому прошу вас, госпожа моя, расскажите мне все от начала и до конца.

Когда же принцесса рассказала ей обо всем, что произошло, придворная дама спросила ее:

— А вы уверены, что он ничего не получил от вас, кроме царапин и тумачков?

— Разумеется, — заверила ее принцесса, — и, если он не обратится к хорошему хирургу, я убеждена, что завтра же следы их выступят на его лице.

— Ну, раз так, ваша светлость, — сказала придворная дама, — мне думается, что скорее всего вам следует благодарить Бога, а не помышлять об отмщении. Можете не сомневаться в том, что, коль скоро он нашел в себе смелость пуститься на такой рискованный шаг и сейчас терпит огорчение от постигшей его неудачи, любая смерть была бы для него только избавлением от страданий. А уж если вы хотите отомстить ему, то лучше, чем вы, это сделает сама его любовь к вам и тот позор, который его сейчас постиг! Остерегайтесь следовать в этом его примеру, ибо, вместо того чтобы обрести величайшее из наслаждений, он получил самые ужасные неприятности, какие только могут выпасть на долю благородного человека. Так вот и честь ваша, которую вы думаете этим возвеличить, напротив, легко может пострадать. Ведь стоит вам только на него пожаловаться, как все узнают то, что сейчас знаете только вы и он. А вы можете быть совершенно спокойны — сам он никому ничего не расскажет. Если же брат ваш велит его судить, как вы того хотите, и беднягу приговорят к смертной казни, сразу же распростра-

нится молва, что он сумел склонить вас к взаимности. Вряд ли люди поверят, что мужчина отважился на подобный поступок, если женщина сама не дала ему к этому повод. Вы молоды, хороши собой и ведете открытую светскую жизнь. Нет такого придворного, который бы не заметил, как радушно вы принимаете у себя того самого дворянина, которого сейчас подозреваете в этом недобром умысле. И каждый про себя рассудит, что если он дерзнул на такой опасный шаг, то дело здесь не обошлось и без вашей вины. И тогда честь ваша, которая позволяет вам сейчас ходить с высоко поднятой головой, будет поставлена под сомнение всеми теми, кто об этом узнает.

Слушая все разумные доводы, которые ей приводила придворная дама, принцесса должна была признать, что та права и что ее действительно могут легко осудить за то радушие и внимание, которое она все время оказывала молодому дворянину. И она попросила придворную даму посоветовать ей, как поступить. Тогда та сказала:

– Ваша светлость, коль скоро, зная мою преданность вам, вы соизволили выслушать мой совет, мне кажется, вы должны в сердце своем возрадоваться тому, что самый красивый и самый благородный из дворян, какого мне только приходилось видеть за всю мою жизнь, не сумел ни любовью своей, ни силой столкнуть вас со стези истинной добродетели. И вы должны теперь возблагодарить Господа и признать, что в этом отнюдь не ваша заслуга. Ибо немало есть женщин бо-

лее строгой жизни, нежели вы, которые уступали настояниям мужчин, менее достойных любви, чем он. И теперь вы должны особенно остерегаться всяких новых излияний любви, ибо есть среди женщин и такие, кому в первый раз удается справиться с искушением, но кто во второй раз ему поддается. Помните, ваша светлость, что любовь слепа и она способна ослепить человека так, что дорога, которая кажется ему наиболее надежной, оказывается наиболее скользкой. И мне думается, что вы не должны говорить ни слова о том, что было, ни ему, ни кому-либо другому. И даже если бы он сам захотел что-нибудь вам сказать, сделайте вид, что не слышите. Этим вы избежите сразу двух опасностей: во-первых, вы перестанете кичиться в душе победой, которую вы над ним одержали; во-вторых, вы не будете поддаваться невольному соблазну, возвращаясь мыслями к вещам столь приятным для плоти, а ведь даже самым целомудренным женщинам подчас бывает трудно потушить в себе искорки этой плоти, как они ни стараются это сделать. И сверх этого, ваша светлость, для того чтобы он не возомнил, что поведение его вам доставило удовольствие, я считаю, что вам больше не следует быть к нему такой благосклонной, какой вы бывали раньше. Пусть он поймет, что поступком своим он вас прогневил и что только вашей безмерной доброте он обязан тем, что вы удовлетворились победой, которую вам даровал Господь, и не стали мстить своему обидчику. Да поможет вам Господь пребывать и впредь в этой чистоте душевной, которую он

вам ниспослал, и вы, зная, что он — источник всякого блага, будете еще больше его любить и служить ему еще лучше, чем вы служили прежде.

Решив последовать совету своей придворной дамы, принцесса уснула, и сон ее был безмятежен, в то время как молодому дворянину горе его не давало смежить очей.

На другой день, когда принц собрался уезжать и вызвал к себе своего любимца, чтобы с ним проститься, ему сказали, что он так плохо себя чувствует, что не может вынести яркого света и звуков человеческой речи. Принц был сильно этим обеспокоен и решил его проведать. Однако, узнав, что тот уснул, будить его не стал и так и уехал, не простившись с ним и увезя с собою жену и сестру. Когда принцесса узнала, что хозяин дома объявил себя больным и даже не вышел попрощаться ни с принцем, ни с дамами, она окончательно уверилась, что не кто иной, как он, причинил ей ночью столько волнений и теперь боится показать следы царапин, оставшиеся у него на лице. И хотя после этого принц несколько раз посылал узнать, поправился ли он от своей болезни, молодой человек все еще не решался явиться ко двору, пока не успел залечить все свои раны, кроме одной — той, которую любовь и горе нанесли его сердцу. Когда же он наконец вернулся ко двору и предстал перед посрамившей его красавицей, лицо его залилось краской, и он, слывший человеком отменной храбрости, смущался теперь каждый раз, когда виделся с нею. Это лишний раз убедило принцессу, что

она была права в своих подозрениях, и понемногу она стала удалять его от себя, причем достаточно явно, чтобы он это мог заметить. Он же, боясь, как бы с ним не поступили еще хуже, старался сделать вид, что не замечает, как она к нему охладела, и, затаив любовь свою в сердце, терпеливо сносил заслуженную им кару.

– Я рассказала вам, благородные дамы, историю, которая может вселить страх в сердца тех, кто зарится на чужое, в то время как добродетель этой молодой принцессы и здравый смысл ее придворной дамы могут послужить примером для всех женщин и придать им уверенность в своей силе. Если с кем-либо из вас случится нечто подобное, вы теперь уже знаете, как надо себя вести.

– А мне кажется, – возразил Иркиан, – что герой вашего рассказа был до такой степени малодушен, что о нем не стоило бы даже и вспоминать. Ведь коль скоро ему представился подобный случай, ни присутствие старухи, ни упорство принцессы не должны были заставить его отказаться от своего замысла; и надо сказать, что и любовь-то его, должно быть, была недостаточно сильна, если в сердце оставалось еще место для страха и стыда.

– А что же было делать этому несчастному, если против него были две женщины? – спросила Номерфида.

– Убить старуху, – сказал Иркиан. – И если бы молодая увидела, что помощи ей ждать больше неоткуда, она в конце

концов была бы вынуждена ему отдаться.

– Убить! – воскликнула Номерфида. – Вы что же, хотите, чтобы любовник сделался убийцей? Раз вы такого мнения, то вы человек опасный.

– Если бы я очутился на его месте, – вскричал Иркиан, – я счел бы для себя позором остановиться на полпути.

– Неужели вам кажется странным, что принцессе, воспитанной во всей строгости, удалось защитить себя от мужчины, который был один? – сказал Жебюрон. – Раз так, то вас, должно быть, еще больше удивит другой случай, когда простая женщина спасла себя от преследования двоих мужчин.

– Жебюрон, – сказала Эннасюита, – прошу вас, возьмите на себя труд рассказать нам пятую новеллу. Вы ведь, должно быть, можете сообщить нам кое-что интересное об этой несчастной женщине.

– Что же, если вы избираете меня рассказчиком, – ответил Жебюрон, – я расскажу вам одну историю, которую знаю, потому что сам был в местах, где она приключилась, и всех там об этом расспросил; из рассказа моего вы увидите, что разумом и добродетелью наделены не одни только принцессы и что настоящая любовь и изобретательность свойственны иногда вовсе не тем, в ком мы рассчитываем их найти.



## Новелла пятая

*Двое монахов-францисканцев из Ниора, переезжая реку возле порта Кулон\*, решили с помощью силы овладеть лодчицею, которая их перевозила. Но женщина эта оказалась честной и достаточно хитрой и, сделав вид, что соглашается на то, чего они от нее хотят, очень ловко их обманула и отдала в руки судьбы, который отправил их к настоятелю монастыря, чтобы они понесли там заслуженное наказание*

В Кулонском порту, неподалеку от Ниора, жила некая лодчица, которая во всякое время перевозила людей с одного берега на другой. И вот однажды ей пришлось перевозить двух монахов из Ниорского монастыря, и, кроме них троих, в лодке никого больше не было. А так как переправа эта – одна из самых длинных во всей Франции, то, чтобы не дать своей спутнице соскучиться, монахи стали уговаривать ее разделить их любовь, на что та отвечала так, как и следовало ожидать, – отказом. Но ни усталость после долгого пути, ни холод, которым веяло от воды, ни стыдливый отказ этой женщины не охладили их страсти, и они решили завладеть ею силой, а если она воспротивится их ласкам, столкнуть ее в реку. Но женщина, которая была столь же добродетельна и

разумна, сколь оба они бесстыдны и коварны, сказала:

– Поверьте, что я вовсе не так упряма, как вам это показалось; я попрошу вас только исполнить две мои просьбы, и тогда вы увидите, что исполнение вашей доставит мне не меньше радости, чем вам обоим.

Монахи тут же поклялись именем своего патрона, святого Франциска\*, что готовы исполнить все, о чем она их попросит.

– Прежде всего дайте мне клятвенное обещание, что вы никому об этом не расскажете, – потребовала она.

Монахи ей это пообещали и, не задумываясь, поклялись.

Тогда она сказала:

– Развлекаться со мною вы будете по очереди, мне ведь стыдно показываться вам обоим вместе. Решите только, кто из вас будет первым.

Монахи нашли, что просьба ее совершенно законна, и тот из них, кто был помоложе, согласился, чтобы старший был первым. И как только они пристали к маленькому островку, женщина сказала младшему из монахов:

– Святой отец, читайте покамест ваши молитвы, а мы с вашим приятелем поедем сейчас на другой островок. И если он вернется оттуда довольный мною, мы потом оставим его здесь и поедем туда с вами.

Младший соскочил на землю и стал ждать возвращения своего товарища, которого лодочница повезла на другой островок. Когда лодка подошла к берегу, женщина сделала вид,

что привязывает ее к дереву, и сказала монаху:

– Друг мой, пойдите-ка выберите местечко поудобнее.

Святой отец сошел на берег и стал искать, где бы им было поудобнее прилечь. Но едва только женщина увидела, что он ступил на землю, как она мгновенно оттолкнула лодку ногой и уплыла в ней дальше по реке, оставив и того и другого монаха на пустынных островках, и только крикнула что есть мочи:

– Ждите теперь, пока ангел Господень придет вас утешить, от меня вы уже ничего не дождетесь.

Несчастные монахи, сообразив, что их обманули, стали на колени у самой воды и молили не срамить их. Они заверили свою спутницу, что, если она довезет их до места, они ни о чем ее больше просить не будут. Она же, отъезжая от них все дальше, крикнула им в ответ:

– Это уж было бы верхом глупости с моей стороны: вырваться из ваших рук, а потом опять к вам вернуться.

Возвратившись в деревню, она позвала своего мужа и соседей, чтобы те схватили этих двух разъяренных волков, к которым она чуть было не попала в пасть и от которых сам Господь Бог ее спас. Мужчины отправились на островки, и за ними последовала вся деревня, ибо всем жителям от старого до малого хотелось непременно принять участие в этой ловле.

Перепуганные монахи, видя, сколько на них двинулось народу, спрятались на островках, причем каждый напоминал

собой Адама, представшего нагим перед очами Господа. От стыда за совершенный ими грех и от страха перед расплатой они были едва живы и тряслись будто в лихорадке. Но это не помешало прибывшим схватить их и посадить в тюрьму под одобрительные возгласы и хохот толпы.

– Вот что за люди эти святые отцы, – говорили одни, – они проповедуют нам целомудрие и честь, а потом бесчестят наших собственных жен.

Другие же говорили:

– Это гробы повапленные\*, которые внутри полны мерзости и гнили.

А еще кто-то крикнул:

– Истинно, дерево познается по плоду своему\*.

И должно быть, все тексты Евангелия, где говорится о лицемерах, были пущены в ход, чтобы опозорить этих захваченных в плен насильников. И так продолжалось до тех пор, пока не прибыл настоятель монастыря, который уговорил судью выдать их ему, обещав, что накажет обоих негодяев так, как лица светские наказать не посмели бы. Он обещал, что они отслужат столько месс и прочтут столько молитв, сколько он их заставит. Судья исполнил его просьбу и выдал ему арестованных, которых тот препроводил к себе в монастырь и так хорошо их проучил, что с тех пор они каждый раз, переезжая реку, осеняли себя крестным знамением и направляли помыслы свои к Господу Богу.

– Прошу вас, благородные дамы, подумайте, если простая лодочница оказалась настолько сообразительной, что обманула двух столь коварных мужчин, то насколько же умнее должны быть те, кто прочел множество книг и у кого перед глазами был достойнейший образец. Достаточно ведь уже тех примеров женской добродетели, которые они видели, чтобы для женщины благородного воспитания добродетели эти стали не заслугой, а простою привычкой. Ведь коль скоро даже те женщины, которые ничего этого не знают, кому за целый год не приходится и двух раз сходить в церковь, чтобы послушать хорошую проповедь, чья жизнь уходит целиком на то, чтобы заработать себе кусок хлеба, – коль скоро даже такие находят в себе силу соблюсти целомудрие, то это означает, что добродетель всегда пребывает в их простых сердцах, ибо дух Божий творит свои высокие дела в сердцах людей слабых и неразумных. Несчастлива та из женщин, которая не хранит своего сокровища: сбереженное, оно несет ей великую честь, растраченное – покрывает позором.

– Мне думается, Жебюрон, – сказала Лонгарина, – что отвергнуть любовь монаха – это не такая уж большая заслуга. Гораздо труднее было бы его полюбить.

– Лонгарина, – ответил Жебюрон, – женщины, которые не привыкли иметь таких поклонников, каких, например, имеете вы, не станут пренебрегать и монахами. Среди них ведь есть люди статные, сильные, живется им привольно и они от этого здоровее, чем, например, такие, как мы, кото-

рые всю жизнь бегают в упряжке. Они обольстительны, как ангелы, и наглы, как дьяволы. Поэтому женщины, которые другого ничего не видели, поистине добродетельны, если они умеют вырваться из их лап.

– Вы можете говорить что вам угодно, – воскликнула Номерфида, – но я бы скорее бросилась в реку, чем согласилась лечь спать с монахом.

– Вы, должно быть, хорошо плаваете, – смеясь, сказала Уазиль.

Номерфиде это замечание показалось дерзким, и, решив, что Уазиль отнеслась к ней неуважительно, она гневно сказала:

– Я знаю женщин, которые отказывали мужчинам гораздо более приятным, чем какой-нибудь монах, и не трубили об этом по всему свету.

– Они еще меньше трубили тогда, когда уступали их просьбам, – добавила Уазиль, которую этот гнев рассмешил.

– Я вижу, что Номерфиде не терпится что-нибудь рассказать, – вступился Жебюрон, – и я хочу предоставить ей это право, чтобы она поделилась с нами тем, что знает.

– Все, что здесь говорилось, – сказала Номерфида, – так мало меня трогает, что не вызывает во мне ни радости, ни зависти. Но уж коль скоро вы предоставили мне слово, я попрошу вас выслушать мой рассказ, чтобы вы знали, что если, как мы только что видели, находятся женщины, которые не дают себя соблазнить, есть и другие, которые легко поддаются.

ся соблазну. А так как мы поклялись говорить только правду, я не хочу ничего скрывать, ибо точно так же, как добродетель этой лодочницы не приносит чести другим женщинам, если они не следуют ее примеру, так и порочность какой-либо другой особы женского пола никак не может служить к посрамлению всех остальных.

## Новелла шестая

*Старый камердинер герцога Алансонского, кривой на один глаз, предупрежденный о том, что жена его вступила в любовную связь с одним молодым человеком, решил узнать, действительно ли это так. Он сказал жене, что уезжает из города на несколько дней, а сам меж тем неожиданно вернулся. Однако жена догадалась, что муж ее возвратился, и таким образом он, думая, что ему удалось обмануть ее, был сам обманут*

У Карла\*, покойного герцога Алансонского, был старый камердинер, кривой на один глаз. Он был женат на женщине значительно моложе его. А так как его господа были к нему очень привязаны, он не мог особенно часто отлучаться из дворца и видаться с женой столько, сколько ему хотелось. И вот женщина эта, забыв честь и стыд, полюбила одного молодого человека. Молва об этом распространилась по городу; дошла она в конце концов и до мужа. Однако он не хотел верить сплетням, потому что жена неизменно встречала его ласкою и любовью.

Но однажды он все-таки решил убедиться, действительно ли это так, — и, если это будет в его силах, отомстить той, которая ввергла его в такой позор. Для этого он сказал жене,



что уезжает куда-то на два-три дня. Едва только он уехал, та позвала своего возлюбленного, но не прошло и получаса, как муж вернулся и стал отчаянно стучать в дверь. Она догадалась, что это он, и сказала об этом своему другу, который так испугался грозившей ему опасности, что стал проклинать и виновницу его беды, и свою любовь к ней. Но женщина успокоила его, сказав, что она сумеет помочь ему выйти сухим из воды, и попросила только, чтобы он поскорее оделся. Тем временем муж продолжал колотить в дверь и громко звать жену. Она же, притворившись, что не узнает его стук, закричала, как будто обращаясь к слугам: «Что ж это вы не угомоните людей, там за дверью? Разве в такой поздний час ходят в порядочные дома? Будь здесь мой муж, уж он бы вам показал!»

Муж, услышав голос своей жены, стал еще громче кричать:

– Жена, открывай! Неужели ты заставишь меня проторчать тут до самого утра!

Когда она увидела, что друг ее совсем одет, она открыла дверь и встретила своего супруга словами:

– Ах, милый мой муженек, как я рада, что ты вернулся! Мне приснился чудесный сон, и мне было так хорошо, как никогда еще не бывало. Мне приснилось, что ты стал видеть обоими глазами.

А сама в это время, обнимая и целуя его, закрыла ему рукой здоровый глаз и стала спрашивать:

– Посмотри-ка, может быть, и в самом деле ты лучше стал

видеть?

И пока муж ее пребывал в полной темноте, она успела выводить своего возлюбленного на улицу. Однако старик сразу же сообразил, что здесь дело нечисто, и сказал ей:

– Клянусь тебе, жена, теперь я больше никогда не буду тебя выслеживать. Я ведь хотел тебя обмануть, а вышло, что обманула меня ты, да еще как здорово. Ну, да Бог тебе судья. Ни одному мужчине на свете все равно никогда не совладать с женским коварством. Разве только убить негодницу на месте. Но коль скоро вся моя ласка ничему тебя не научила, может быть, тебя исправит то презрение, которое я отныне буду к тебе питать.

С этими словами он покинул дом, оставив жену в большом горе, и вернулся только много времени спустя, когда за нее вступились друзья и родные и сама она пролила много слез, моля его смириться над нею.

– Теперь вы видите, благородные дамы, до чего ловка и хитра становится женщина, когда ей надо бывает избежать опасности. А если она так быстро нашла способ скрыть содеянное ею зло, то, по-моему, для того чтобы уберечься от зла или чтобы сотворить добро, она может стать еще более хитроумной. Ибо мне не раз приходилось слышать, что сильнее всего бывают те, кто направляет свои силы на добрые дела.

– Вы можете сколько хотите рассуждать о хитрости и об уме, – сказал Иркиан, – но я уверен, что, если бы подобный

случай произошел с вами, вы не сумели бы так ловко спрятать своего друга.

– Ну где же мне это суметь, скажите уж прямо, что вы считаете меня самой глупой женщиной на свете.

– Этого я не говорил, – возразил Иркин, – я просто считаю, что вашей натуре свойственно скорее прийти в смятение от скандала, чем проявить находчивость и как-нибудь его замять.

– По-вашему, у всех, как у вас, только и дела, что думать о том, как одно перекрыть другим... – сказала Номерфида. – Но в конце-то концов, если все чем-то перекрывать, то получится крыша на крыше, а на той еще одна крыша. А от такой тяжести как бы и весь дом не развалился! Но если вы думаете, что вы, мужчины, в таких случаях похитрее женщин, я уступлю вам свое место, чтобы седьмую новеллу рассказали вы. И уж если примером вы изберете себя, то я уверена, что вы научите нас многим хитростям.

– Я здесь вовсе не для того, – сказал Иркин, – чтобы изображать себя хуже, чем я есть на самом деле. И без этого ведь находятся люди, которые болтают про меня всякие небылицы.

И он поглядел при этом на жену, которая сразу же воскликнула:

– Пожалуйста, рассказывайте все так, как оно есть, и ради меня ничего не изменяйте. Мне ведь легче выслушать рассказ о ваших уловках, чем испытывать все эти хитрости на

самой себе, хоть ни одна из них не может сколько-нибудь повлиять на мою любовь к вам.

— Поэтому я и не жалуюсь, когда вы бываете ко мне несправедливы, — ответил Иركان. — Ведь чем лучше мы узнаем друг друга, тем крепче будут узы нашей любви. И все же я не настолько глуп, чтобы начать рассказывать что-нибудь такое из своей жизни, что могло бы вас огорчить. А то, что я расскажу, действительно приключилось с одним моим другом.

# Новелла седьмая

*Один ловкий и хитрый купец обманывает старуху и спасает честь ее дочери*

В городе Париже жил некий купец, который был влюблен в дочь своей соседки. Впрочем, на самом деле влюблена была она, а он только делал вид, что души в ней не чает, чтобы отвлечь внимание окружающих от той, кого он действительно любил любовью возвышенной и благородной. А девушка, которую он обманывал, до такой степени была от него без ума, что, не в пример многим другим, которые знали, как вести себя с мужчинами, не считала возможным ни в чем ему отказать. Вначале купец этот сам искал встреч с ней, но потом она уже готова была приходить туда, где он назначал ей свидание. Мать ее, женщина очень строгих правил, заметила это и раз и навсегда запретила ей даже разговаривать с ним, сказав, что иначе она отдаст ее в монастырь. Но чувство этой девушки к своему возлюбленному пересилило ее страх перед матерью, и она только еще больше стала томиться по своему любимому. И вот однажды, когда, придя к ней в дом, он застал ее одну в гардеробной, он решил, что это весьма подходящее место для их свидания, и завел с ней самые нежные разговоры. Но одна из служанок, увидав, что

они уединились вдвоем, побежала сообщить об этом матери, которая пришла в ярость и тотчас же кинулась туда. Дочь ее, услышав, что она идет, залилась слезами и сказала своему возлюбленному:

— Увы, друг мой, сейчас ты поймешь, как дорого обходится мне моя любовь к тебе. Матушка увидит сейчас своими глазами то, чего она всегда опасалась и что подозревает уже давно.

Купец, однако, нимало не растерялся и, выпустив девушку из своих объятий, сразу же направился навстречу ее матери и со всем жаром страсти, которую в нем только что пробудила ее дочь, обнял недоумевающую старуху и повалил на кушетку. Та была несказанно этим поражена.

— Что с вами такое? — пробормотала она. — Да вы с ума сошли!

Но он продолжал обнимать ее и прижимать к себе, как будто это была самая пленительная девушка на свете. И если бы старуха не кричала так громко и все слуги немедленно не кинулись ей на помощь, ее, несомненно, постигла бы та самая участь, от которой она больше всего на свете старалась уберечь свою дочь. Только силой ей удалось вырваться из рук купца, и она до конца жизни так и не узнала, что заставило его так ее мучить. А тем временем дочь ее убежала в соседний дом, где в это время справляли свадьбу, и впоследствии, вспоминая этот случай, она не раз хохотала со своим другом над недогадливую матерью.

– Таким образом, благородные дамы, купец этот оказался достаточно хитер, чтобы обмануть эту почтенную особу и спасти доброе имя ее дочери. Но если бы вы только знали, о ком идет речь! И если бы вы видели, как выглядел соблазнитель и сколь велико было изумление старухи, вам нелегко было бы удержаться от смеха. Мне же хочется только доказать этим, что мужчины бывают в нужную минуту не менее хитры и сообразительны, чем женщины, чтобы вы, благородные дамы, не боялись им иногда довериться. Заметьте же, что иногда вы сами не догадаетесь, что надо сделать, чтобы спасти вашу честь, а мужчина сообразит все гораздо скорее.

– Право же, Ирман, история ваша очень забавна и купец ваш необычайно сообразителен, – сказала Лонгарина, – только нехороший это пример для девушек. Правда, среди них, может быть, и есть такие, которые сочтут его достойным подражания, но, надеюсь, сами вы не настолько глупы и не захотите, чтобы жена ваша или женщина, честь которой вам дорога, играла в такую игру. А я думаю, что никто ведь так близко не знает женщин и так ревниво не оберегает их честь, как вы.

– Клянусь вам, – сказал Ирман, – что если бы нечто подобное приключилось с моей женой – и так, что я бы ничего об этом не знал, – я бы продолжал ее уважать, как уважал раньше. И я поистине не знаю, удалось ли кому-нибудь поступить столь умело и так ловко спрятать концы в воду, что

дело обошлось без больших неприятностей.

Парламанта не удержалась и сказала:

– Разумеется, человек, известный своими дурными поступками, всегда будет на подозрении. Но блажен тот, кого ни в чем нельзя заподозрить.

– Никогда не бывает огня без дыма, но зато дым мне много раз пришлось видеть и там, где не было никакого огня, – возразила ей Лонгарина. – Ведь люди дурные готовы искать зло где угодно, только не там, где оно есть на самом деле.

– Вот что, Лонгарина, – воскликнул Иркин, – вы так хорошо говорили, отстаивая честь женщин, которых понапрасну в чем-то подозревают, что я предоставляю вам право рассказать восьмую новеллу. Надеюсь, что вы не заставите нас плакать так, как это сделала госпожа Уазиль, столь горячо хвалившая добродетельных женщин.

– Если вы непременно хотите, чтобы я вас рассмешила, как это не раз бывало, – сказала Лонгарина, заливаясь смехом, – то знайте, что посмеяться над женщинами вам не придется. Я расскажу вам, как легко всегда бывает их обмануть, когда они начинают ни с того ни с сего ревновать своих мужей, но при этом воздам должное их здравому смыслу, который порой толкает их самих на обман.



## Новелла восьмая

*Некий Борне, задумав изменить жене, которая была ему всегда верна, и решив поразвлечься со служанкой, рассказал об этом намерении своему другу, который пожелал принять участие в этой забаве. И вышло так, что Борне был убежден, что спит со служанкой, тогда как в действительности это была его собственная жена, и он, ничего не подозревая, поделился со своим приятелем удовольствием, на которое только он один имел право, и сам наставил себе рога, убедевши, однако, свою жену от позора*

В графстве Алэ жил некий молодой человек по имени Борне, который женился на женщине весьма добродетельной и всегда высоко ценил ее ничем не запятнанную честь, как, я полагаю, ценят ее в своих женах и все присутствующие здесь мужья. Но хоть он и желал, чтобы жена оставалась ему верна, он нимало не считал себя обязанным отвечать ей тем же и прельстился собственной служанкой, причем удовольствия от этого он, по всей вероятности, мог испытать не больше, чем людям приносит подчас небольшое разнообразие в пище. У него был сосед, человек одинакового с ним положения, по имени Сандра, портной и любитель играть на барабане, и между ними была такая дружба, что они делили все, кро-

ме жен. Само собой разумеется, Борне посвятил приятеля в свои намерения относительно служанки, и тот их не только одобрил, но и постарался помочь осуществить его план, надеясь впоследствии получить и свою долю. Служанка же решительно отказалась уступить просьбам своего господина и, видя, что тот никак не дает ей прохода, рассказала обо всем его жене и попросила ту отпустить ее к родителям, ибо она не в силах больше терпеть подобную муку.

Госпожа ее, которая очень любила своего супруга и не раз уже подозревала его в измене, очень обрадовалась, что ей удастся наконец поймать его с поличным. И вот что она сказала служанке:

– Будь с ним добрее, моя милая, поговори с моим муженьком поласковее, а потом назначь-ка ему ночью свидание у меня в гардеробной. А как только он придет, дай мне знать, да смотри, чтобы никто ничего не проведал.

Служанка исполнила в точности все, что велела ее госпожа. Супруг ее был так счастлив, что ему захотелось на радостях отблагодарить приятеля, а тот упросил его поделиться с ним удовольствием, которое его ожидало. Обещание было дано, и назначенный час настал. Хозяин отправился в гардеробную, чтобы свидеться там, как он полагал, со служанкой. Но жена его, отказавшись от прав хозяйки ради удовольствия послужить, расположилась в гардеробной на том самом месте, где должна была находиться служанка, и встретила вошедшего с притворным удивлением и страхом, свой-

ственным девушкам, так что супруг ее ни о чем не мог догадаться.

И уж не знаю, кто из них двоих чувствовал себя счастливее, — он ли, считая, что обманывает свою жену, или она при мысли, что проучила мужа за его неверность. Пробыв с нею не столько, сколько ему хотелось, но столько, сколько он мог выдержать, ибо был он уже не очень молод, Борне вышел из дома и, увидев приятеля, стал хвастаться перед ним тем, что нашел товар лучше, чем ожидал.

Тогда приятель его сказал:

— А обещание ты свое помнишь?

— Беги туда поскорее, — сказал Борне, — а то она поднимется и уйдет, или, чего доброго, жена моя ее позовет.

Приятель его сразу же разыскал мнимую служанку, которая все еще лежала на прежнем месте и, думая, что это возвращается ее муж, не отказала ему в том, о чем он ее просил (я имею в виду, что он просил молча, ибо заговорить с ней он не решился). И задержался он там дольше, чем ее муж; женщина осталась очень довольна и приятно удивлена, так как не слишком-то ее баловали такими ночами. У нее, однако, хватило выдержки промолчать, ибо она задумала на следующий день напомнить мужу обо всем и как следует над ним посмеяться. На рассвете приятель Борне поднялся с кровати и напоследок поиграл с ней еще немного, а уходя, снял у нее с пальца обручальное кольцо. А в этих краях женщины очень суеверны и почитают тех, кто свято хранит обручаль-

ное кольцо до самой смерти. Если же одна из них случайно его потеряет, то это считается большим позором, как будто она действительно изменила мужу. Поэтому женщина эта очень обрадовалась, что в эту ночь муж снял у нее с пальца кольцо, решив, что у нее есть теперь против него улика.

– Ну что? – спросил Борне, когда приятель его возвратился.

Тот ответил, что он тоже очень доволен и что, если бы не страх, что с наступлением утра его там обнаружат, он остался бы у нее и подольше. Оба мужчины легли отдыхать и проспали долго. А на следующий день, одеваясь, Борне заметил вдруг на пальце приятеля кольцо, как две капли воды похожее на то, которое он подарил жене в день свадьбы, и спросил, откуда оно у него взялось. Когда же он услышал, что тот снял его с пальца служанки, изумлению его не было границ. В отчаянии он стал биться головой об стенку, восклицая:

– Черт побери! Неужели это я сам себе умудрился наставить рога, жена ведь ничего даже и не знает?

Тогда приятель, стараясь его успокоить, сказал:

– Но, может быть, твоя жена просто почему-нибудь отдала кольцо в этот вечер служанке?

Муж ничего на это не ответил и сейчас же отправился домой. Там он нашел жену похорошевшей, помолодевшей и такой веселой, какой он никогда ее не видел. Она была довольна тем, что спасла честь служанки и убедилась в неверности супруга и все это ей удалось сделать за одну ночь. Видя на

лице ее такую радость, муж подумал: «Если бы она знала, как мне сегодня повезло, ей, пожалуй, было бы не до веселья». И, поговорив с ней о том о сем, он взял ее за руку и обнаружил, что на ней нет кольца, которое она раньше никогда не снимала. Он обомлел и дрожащим голосом спросил ее:

– Куда ты дела кольцо?

Она же, очень довольная тем, что сразу навела его на разговор, который ей не терпелось с ним завести, сказала:

– Ах ты, негодяй этакий! Скажи-ка мне лучше, у кого ты снял его с пальца? Ты думал, что у моей служанки, ты ведь расточал ей столько любви, сколько я в жизни от тебя не видала. В первый раз, когда ты пришел и лег со мной в постель, ты возгорелся к ней такой страстью, что, казалось, сильнее любить уже невозможно. А после того, как ты вышел и вернулся снова, ты стал уже настоящим дьяволом и не знал ни удержу, ни меры. О, несчастный! Подумай только, как ты был ослеплен, что пришел в такой восторг от моего тела, которое уже столько лет принадлежит тебе и которому ты до этого времени никогда не отдавал должного. Выходит, что ты наслаждался вовсе не красотой служанки и не телом ее, а тем вожделением, которое ты в себе разжег и которое ослепило и оглушило тебя так, что ты бы, наверное, и козу в чепчике принял за красивейшую девушку на свете. Пора бы тебе, муженек, взяться за ум и получать удовольствие от ласки жены, женщины как-никак порядочной, и не меньше, чем ты его получил, будучи уверен, что перед тобой какая-то

поганая девка. Все это подстроила я, для того чтобы отвадить тебя от твоих проказ и чтобы в старости мы могли жить с тобою в дружбе и в душевном покое. А если ты и впредь намерен вести себя так, как вел до сих пор, мне легче будет навек расстаться с тобой, чем видеть, как день ото дня гибнет твоя душа, твое тело и твои лучшие силы. Если же ты признаешь, что ошибался, и станешь с этих пор жить, как велит нам Господь, выполняя все заветы его, я прощу тебе все твои прежние грехи, ибо хочу, чтобы Господь простил и меня, неблагодарную, за то, что я люблю его не так горячо, как должна бы.

Несчастный супруг был в отчаянии от того, что он предпочел ей, женщине такой красивой, умной и целомудренной, другую, которая нисколько его не любила, и – что еще того хуже – заставил жену согрешить так, что она даже об этом не знала, приобщив другого к наслаждению, которое принадлежало только ему одному, и, наставив себе сам рога, сделался теперь навек посмешищем в глазах всех. Но, видя, что жена его и так уже достаточно огорчена и его изменой, и страстью, которую пробудила в нем служанка, он решил не говорить ей о своей вероломной проделке. Вместо этого он попросил у нее прощения и, обещав, что больше никогда не будет ей изменять, отдал ей кольцо, которое ему вернул приятель, а того попросил, чтобы он никому никогда не рассказывал о постыдном происшествии, которое с ним приключилось. Но так как все тайное рано или поздно становится явным, исти-

на все равно очень скоро всплыла, и за Борне так и осталось прозвище рогоносца, которое он стяжал, хоть репутация его жены нисколько от этого не пострадала.

– Мне кажется, благородные дамы, что, если бы каждому, кто наносит жене такое оскорбление, грозило такое же наказание, Иркану и Сафредану пришлось бы призадуматься.

– Вот как! – воскликнул Сафредан. – Скажите на милость, Лонгарина, неужели в нашей компании нет больше женатых людей, кроме меня и Иркана?

– Разумеется, есть и другие, но на такие проделки способны только вы двое.

– Где же это вы видели, чтобы мы приставали с любовью к служанкам?

– Если бы те из них, кого это близко коснулось, захотели рассказать всю правду, нашлась бы, верно, не одна, которой именно из-за этого пришлось оставить службу раньше положенного срока.

– Нечего сказать, – вмешался Жебюрон, – вы очень любезны: обещав рассмешить нас всех, вы вместо этого только рассердили наших бедных друзей.

– Мне это все равно, – сказала Лонгарина, – пусть только они не хватаются за шпаги. Чем сильнее будет их гнев, тем больше мы потом посмеемся над ними.

– Но подумать только, – воскликнул Иркан, – если бы наши жены на минуту поверили этой даме, она способна была

бы перессорить самых нежных супругов, какие только есть среди нас.

– Я отлично знаю, кому я все это говорю, – сказала Лонгарина, – жены ваши настолько умны и так вас любят, что надели вы их даже оленьими рогами, они все равно будут убеждать и весь мир, и самих себя, что это венок из роз.

Слова эти до того рассмешили всю компанию и даже тех, к кому они относились, что к этому никто уже больше ничего не мог добавить.

Но Дагусен, который за все это время не вставил ни слова, не стерпел и сказал:

– Как, однако, неразумен человек, когда от добра, которое он имеет, он ищет другого. Мне не раз приходилось видеть, как, не довольствуясь тем, что у него есть, и гоняясь за большим, человек терял и то, что имел, и люди эти ни в ком не вызывали жалости, ибо непостоянство всегда достойно осуждения.

– Ну, а что же тогда делать человеку, который так и не нашел себе жены по вкусу? – вмешался в разговор Симонто.  
– Неужели, если он будет искать ее, где только может, вы назовете это непостоянством?

– Поелику никому не дано знать, где находится та счастливая половина, которая способна слиться с другой так, что их нельзя будет отличать друг от друга, – сказал Дагусен, – надо, чтобы каждый умел упрочить тот выбор, который сделала за него любовь. И так, чтобы потом никакая случайность



не могла поколебать ни сердца его, ни воли. Ведь если окажется, что та, кого вы полюбили, как две капли воды похожа на вас и хочет всего того, что хотите вы, в действительности вы будете любить не ее, а только себя.

– Вы не правы, Дагусен, – возразил Иркиан, – это заблуждение – думать, что мы должны любить женщин независимо от того, любят они нас или нет.

– Иркиан, – ответил Дагусен, – я хочу только сказать, что, если, любя, мы обольщаемся красотой, добронравием и благосклонностью женщины и гонимся за наслаждением, почетом или корыстью, такая любовь долго длиться не может. Ведь если исчезнет то, на чем зиждется наша любовь, и от самой этой любви тотчас же не останется и следа. Но я твердо убежден, что если у того, кто любит, одна только цель – любить, то чувство это будет жить всегда в его сердце и ему легче будет умереть, чем перестать любить.

– Клянусь честью, – воскликнул Симонто, – вы, должно быть, никогда не были влюблены, ведь если бы вы сами ощутили в сердце огонь любви, как другие, вы не стали бы нам живописать сейчас «Республику»\* Платона, которая существует только в книге, а в жизни себе не находит места.

– Нет, я любил, – вскричал Дагусен, – люблю и сейчас и буду любить всю жизнь. Но я очень боюсь, что, если я буду выказывать перед вами мою любовь, это может сделать ее менее совершенной, и я не хочу, чтобы та, чьей взаимности я ищу, узнала о моем чувстве. Я не смею даже об этом думать

– из страха, что глаза мои выдадут мою тайну. И чем тщательнее я скрываю это пламя в сокровенных глубинах сердца, тем больше наслаждаюсь сознанием того, что любовь моя совершенна.

– Готов поклясться, – сказал Жебюрон, – что вам действительно очень хочется, чтобы вас полюбили.

– Не стану этого отрицать, – ответил Дагусен, – но ведь, когда меня полюбят так, как сам я люблю сейчас, любовь моя не сможет от этого возрасти; так может ли она уменьшиться из-за того, что сейчас я не люблю так сильно, как сам люблю?

В это время Парламента, которая догадалась, о ком идет речь, сказала:

– Берегитесь, Дагусен! Я знала таких, как вы, которые готовы были скорее умереть, чем выдать то, что у них на сердце.

– По-моему, это самые счастливые люди на свете, – сказал Дагусен.

– Разумеется, – согласился Сафредан, – и достойные того, чтобы их причислили к лику праведников, о которых поется в церкви: «Non loquendo, sed moriendo confessi sunt»<sup>2</sup>. Мне столько раз приходилось слышать о людях, которые умирают от любви, но за всю жизнь я не видел, чтобы кто-нибудь из них действительно умер. И притом, коль скоро сам я благополучно избежал смерти, несмотря на все мучения, которые причинила мне моя любовь, я никогда не поверю,

---

<sup>2</sup> Не словами, но смертью своей исповедуют [Бога] (лат.).

что и кто-либо другой может от нее умереть.

— Эх, Сафредан! — воскликнул Дагусен. — Подумайте только, в ком ищите вы эту любовь? Да, это верно: тот, кто думает так, как вы, не умирает от любви. Но я знаю немало людей, которые умерли не от какого-либо другого недуга, а только оттого, что любили кого-то великой любовью.

— Ну, раз вам известны такие истории, — сказала Лонгарина, — я передаю вам слово, чтобы вы рассказали нам какую-нибудь из них поинтереснее, и пусть она будет девятой новеллой этого дня.

— А для того, чтобы вы уверовали, что те чудеса, о которых я собираюсь вам рассказать, не вымысел, а сущая правда, — сказал Дагусен, — я буду говорить о том, что случилось всего три года тому назад.

## Новелла девятая

*Некий дворянин, без памяти влюбленный в молодую девушку, скрывает от нее свое чувство и в конце концов погибает, к большому огорчению предмета своей любви*

Между Дофинэ и Провансом жил некий дворянин, у которого не было иного богатства, кроме красоты, благородства и чести. Он любил одну девушку, имя которой я не хочу называть, чтобы не причинить огорчения ее родителям, людям весьма почтенным и знатным, но поверьте, что все, о чем будет здесь говориться, действительно было. Будучи ниже ее по происхождению, молодой человек не решался открыть ей свою любовь. А любовь эта была так возвышенна и самозабвенна, что он скорее согласился бы умереть, нежели чем-либо задеть ее честь. Понимая, что он ее недостоин, он запретил себе думать, что когда-либо сможет на ней жениться. И, ничего от нее не добиваясь, он продолжал втайне любить ее самой высокой любовью, на какую только был способен. И длилось это так долго, что в конце концов девушка не могла об этом не догадаться. Видя, как он беззаветно предан ей и сколько в его чувстве бескорыстия и прямоты, она была польщена любовью столь достойного человека и относилась к нему с таким расположением, что он чувствовал себя счаст-

ливым и на большее не рассчитывал.

Но злобе человеческой, которой ненавистен всякий покой, захотелось разрушить эту благочестивую и счастливую жизнь. Нашлись злонамеренные люди, которые сказали матери этой девушки, что они боятся, как бы молодой человек не навлек на их дом беду, ибо дочь ее, вероятно, очень к нему привязана, если позволяет себе так часто с ним встречаться. Мать, несколько, впрочем, не сомневавшаяся в порядочности этого дворянина, в котором она была уверена так же, как и в своих собственных детях, крайне огорчилась, услышав, что о нем так дурно говорят, и в конце концов, опасаясь, что все эти сплетни не доведут до добра, попросила его на какое-то время перестать бывать у них в доме. Молодому человеку было нелегко на это согласиться, ибо он отлично видел, что ему не в чем себя упрекнуть и он никак не заслуживает подобной кары. Однако, чтобы заставить злые языки замолчать, он уехал и не появлялся у них в доме до тех пор, пока поднявшийся вокруг него шум окончательно не улегся. Тогда он вернулся и стал снова бывать в доме своей любимой, где его принимали столь же приветливо, как и раньше. Но однажды, будучи там, он услышал, что молодую девушку собираются выдать замуж за человека, который, как он полагал, ничуть его не богаче, и подумал, что это несправедливо, ибо сам он знает ее гораздо дольше, чем ее жених. Он опечалился и стал просить своих друзей поговорить с девушкой, считая, что если выбор зависит от нее самой, то во всяком

случае она отдаст предпочтение ему. Однако и мать этой девушки, и все родные решительно выбрали другого, ибо тот все же оказался намного его богаче. Известие это очень огорчило несчастного молодого человека, который был уверен, что вместе с ним страдает и его возлюбленная. Он занемог от тоски, стал с каждым часом хиреть и вскоре переменялся так, что его невозможно было узнать. Его красивое лицо стало бледным, как у покойника, и видно было, что дни его сочтены и он ждет только смерти.

Но, несмотря ни на что, он старался возможно чаще видеться с любимой девушкой, а когда силы совсем его оставили и он уже больше не мог подняться с постели, он не захотел, чтобы возлюбленная его об этом знала, дабы не причинять ей лишних страданий. И, предаваясь так в одиночестве отчаянию и скорби, он перестал пить и есть, лишился сна и покоя и так похудел, что стал на себя не похож. Мать девушки от кого-то проведала об его болезни. Сама она была женщиной очень доброй и к тому же искренне его любила, и если бы все родные девушки держались того же мнения, что и она, то они, несомненно, предпочли бы честность и благородство этого молодого человека всем богатствам другого. Но родственники со стороны отца не хотели об этом и слышать. И все же она вместе с дочерью навестила несчастного. Тот уже еле дышал и в то самое утро исповедовался и причастился, считая, что умирает и больше никого не увидит. И вот, когда он действительно был уже на волосок от смерти,

к нему явилась та, которая была для него жизнью, и за миг словно воскресила его. Он почувствовал такой прилив сил, что соскочил с постели и воскликнул:

— Что заставило вас прийти сюда, зачем вы явились к тому, кто одной ногой уже в могиле и в чьей смерти виновны вы?

— Подумайте, что вы говорите! — изумилась мать девушки. — Возможно ли, чтобы мы были причиною смерти того, кого мы так любили! Прошу вас, объясните нам, как вы решились произнести такие страшные слова.

— Сударыня, — сказал он, — полюбив вашу дочь, я скрывал свое чувство, сколько мог. Сказав, что я хочу жениться на ней, родители мои сказали больше, чем я хотел, а теперь вот беда, которая со мною стряслась, лишила меня последней надежды. А ведь, мечтая об этой женитьбе, я больше всего мечтал отнюдь не о радости, которую она бы доставила мне. Просто я был уверен, что никто на свете не будет так холить и любить вашу дочь, как я. Видеть, как она теряет то благо, которое могла бы иметь от лучшего и преданнейшего друга, для меня мука еще более тяжкая, чем мысль о грозящей мне смерти. Ведь жить мне хотелось только ради нее. А раз жизнь моя не может быть употреблена ей на пользу, то потерять эту жизнь не столь уж большое несчастье.

Услыхав эти речи, мать и дочь принялись утешать его. Мать сказала ему:

— Мужайтесь, друг мой, я обещаю вам, что, если Господь возвратит вам здоровье, дочь моя станет вашей женой. Сама

она тоже здесь, и я велю ей поклясться, что это будет так.

Дочь ее, заливаясь слезами, старалась заверить его, что исполнит данное матерью обещание. Однако несчастный хорошо понимал, что, если бы вдруг здоровье вернулось к нему, она все равно никогда бы не стала его женой и все, что говорится в эту минуту, говорится только для того, чтобы немного его подбодрить. И он сказал, что, если бы ему довелось услышать эти слова месяца три назад, он был бы самым здоровым и счастливым человеком во всей Франции. Но сейчас уже поздно: ему больше не во что верить и не на что надеяться. А когда он увидел, что они все же стараются вселить в него веру, он им сказал:

– Коль скоро вы обещали мне счастье, которого я теперь никогда не смогу вкусить, даже если бы я хотел от всей души, ибо сейчас я уже совсем ослабел, я попрошу вас о чем-то гораздо меньшем, о чем при иных обстоятельствах никогда бы не дерзнул просить.

Обе женщины поклялись, что исполнят все, что он захочет, и стали уговаривать ничего от них не таить.

– Умоляю вас, – сказал он, – позвольте мне заключить в свои объятия ту, кого вы мне обещаете в жены, и велите ей обнять меня и поцеловать.

Девушка, не привыкшая к подобного рода ласкам, смутилась и стала было отказываться. Но мать, видя, что и чувства и силы стали уже оставлять его, приказала ей немедленно исполнить все, о чем он просил.



Дочь ее подошла к постели умирающего и сказала:

– Будьте счастливы, друг мой!

Несчастный простер к ней свои исхудавшие руки и, собрав последние остатки сил, обнял ту, которая была причиной его смерти. А потом, запечатлев своими бескровными холодными губами на ее губах долгий поцелуй, прошептал:

– Любовь, которую я питал к вам, так велика и так чиста, что вне брака я не мечтал ни о каком ином блаженстве, чем то, которое ныне вкушаю. Именно потому, что я обрел его и расстаюсь с ним, я с радостью отдаю душу свою Творцу, который сам есть совершенная любовь и совершенное милосердие, который знает, сколь высока эта моя любовь и сколь праведно мое желание. И сейчас вот, держа в руках то, что мне дороже всего на свете, я молю его, чтобы он принял дух мой в свои руки.

С этими словами он снова ее обнял, и с такою страстью, что его ослабевшее сердце уже не выдержало последнего напряжения и силы его окончательно оставили. Радость любви была столь безгранична, что душа его вместе с нею покинула свою оболочку и улетела к Творцу. И, несмотря на то, что бездыханное тело становилось все холоднее и холоднее, любовь, которую девушка всегда скрывала ото всех, вспыхнула вдруг в ней с такою силою, что матери и слугам стоило большого труда вырвать девушку из объятий ее возлюбленного, которого они потом похоронили со всеми подобающими почестями. А на похоронах несчастная так плакала, так

рыдала, так иступленно кричала, что казалось, она только теперь поняла, как его любила, и хотела вознаградить его после смерти за те муки, которые причинила ему при жизни. И потом, как мне довелось узнать, хотя ее и выдали замуж, чтобы она хоть сколько-нибудь утешилась в своем горе, сердце ее больше уже никогда не вкушало радости.

– Мне думается, господа, что этого примера более чем достаточно, чтобы вы поверили, что настоящая любовь, когда она остается скрытой и держится в тайне, может привести человека к гибели. Вы все отлично знаете родственников обоих этих влюбленных. Поэтому сомневаться в истинности того, что я рассказал, не приходится, и в то же время человеку, который сам не испытал ничего подобного, поверить этому трудно.

При этих последних словах дамы прослезились.

– Свет еще не создавал такого дурака! – воскликнул Иркин. – Что же, по-вашему, нам следует погибать из-за женщин, в то время как они созданы исключительно для нашего блага? Мы еще, оказывается, должны бояться потребовать от них то, чем сам Господь Бог велит им услаждать нас. Я не говорю уже о себе самом и о людях женатых. С меня, например, женщин хватает, у меня их даже больше, чем надо. Я говорю о тех, кто в этом нуждается, кто, на мой взгляд, настолько глуп, что боится женщин, вместо того чтобы внушить им страх. Посмотрите, как эта несчастная девушка жа-

лела о совершенной ею глупости! Ведь уж раз она способна была обнимать мертвое тело (что, вообще-то говоря, отвратительно) и раз ее так растрогал умирающий, она бы ни за что не оттолкнула его здорового и цветущего, если бы в свое время у него нашлось достаточно смелости, чтобы овладеть ею.

– И все-таки, – заметила Уазиль, – любовь этого юноши была так высока, что заслуживает всяческой похвалы. Быть влюбленным и сохранить целомудрие – это же просто чудо.

– Госпожа моя, – сказал Сафредан, – для того чтобы подтвердить слова Иркана, с которыми я вполне согласен, прошу вас, помните, что Фортуна всегда помогает смельчакам и что нет ни одного мужчины, любимого женщиной – пусть только он домогается этой любви настойчиво и умело, – который в конце концов не получил бы не только то, на что он рассчитывал, но и гораздо больше. И лишь неведение и безрассудный страх заставляют мужчин упускать множество удобных случаев, оправдывая малодушие, которым вызваны все эти неудачи, добродетелью своих возлюбленных. А ведь стоит только по-настоящему напасть, и самая неприступная крепость сдастся.

– Послушайте, – сказала Парламанта, – меня, право, удивляет, как вы смеее говорить такие вещи. Или ваши возлюбленные не бывали к вам привязаны, или вы обращались к недостойным предметам любви. Иначе вы никогда бы не стали думать, что все женщины одинаковы.

– Сударыня, – ответил Сафредан, – что касается меня, то в любви мне всю жизнь так не везет, что и похвалиться-то мне совершенно нечем. Но, однако, я был бы не прав, если бы во всех неудачах моих винил одну только женскую добродетель и забыл о том, что сам я подчас бывал недостаточно ловок и осторожен. Людям же ученым я объясню мою мысль словами «Романа о Розе»\*:

Нам дозволено судьбою  
Счастье с женщиной любовью.

Вот почему я совершенно уверен, что мужчина, которого полюбила какая-нибудь женщина, если он достаточно сообразителен, всегда сумеет добиться того, чего хочет.

– А что, если я вам расскажу, – возразила Парламанта, – о женщине, которой хотел овладеть один мужчина? Она по-настоящему его любила, но несмотря на то, что он очень настойчиво добивался победы над нею, она сохранила честь, победив сердце свое, и плоть, и самую любовь, и волю своего возлюбленного. Смотрите, не придется ли вам тогда признать, что такие вещи на самом деле случаются в жизни.

– Ну, разумеется, придется, – ответил Сафредан.

– Право же, все вы были бы совсем маловерными, если бы подвергли сомнению то, о чем я сейчас расскажу.

– Сударыня, – попросил тогда Дагусен, – я показал вам всем на примере, какую бывает любовь добродетельного

мужчины, а теперь, умоляю вас, если вы знаете также и женщину, которая может соперничать с ним в добродетели, расскажите нам о ней, чтобы мы закончили этим наш день, и не смущайтесь, если рассказ ваш окажется слишком длинным, — мы ведь еще располагаем достаточным временем, чтобы рассказать немало интересных историй.

— Раз вы мне даете возможность говорить сегодня последней, — сказала Парламента, — я не стану тратить времени на лишние разговоры. Повесть, которую я хочу рассказать, настолько достоверна и настолько хороша, что мне не терпится, чтобы вы ее узнали. И несмотря на то, что сама я не была очевидицей событий этой повести, я узнала о них из уст моего самого большого и близкого друга; он рассказал ее, чтобы прославить ею человека, которого он очень любил. Но он просил меня, ежели мне доведется кому-нибудь рассказывать эту историю, изменить в ней все имена. Итак, все, о чем будет идти сейчас речь, — сушая правда, кроме имен участников и названий мест и страны, где все это произошло.

## Новелла десятая

*Флорида воспротивилась бесстыдным домогательствам Амадура, который очень настойчиво ее преследовал, и, после того как добродетель ее восторжествовала, овдовев, постриглась в монахини*

В графстве Аранда\*, в Арагоне, жила некая дама. Она была женою графа Арандского и овдовела, еще будучи совсем молодой, оставшись с сыном и дочерью, которую звали Флоридой. Дама эта приложила все старания, чтобы из своих детей сделать людей достойных и благородных, какими и полагается быть знатным сеньорам. К тому же род ее по праву считался одним из знатнейших во всей Испании. Ей нередко приходилось ездить в Толедо, где в то время находился испанский король\*, а приезжая в Сарагосу, город, близ которого она жила, она подолгу оставалась при дворе королевы, где ее окружали всегда уважением и почетом. Однажды, когда дама эта по обыкновению направилась к королю, который пребывал в Сарагосе, в своем замке Альхаферия\*, ей пришлось проезжать деревней, принадлежавшей вице-королю Каталонии\*. Затянувшаяся война, которую Испания вела тогда с Францией, не позволяла ему покинуть Перпиньян\* – город, расположенный на самой границе.

Но как раз в это время был заключен мир\*, и вице-король вместе со своими полководцами счел возможным поехать к королю, дабы засвидетельствовать ему свое почтение. Зная, что графиня Арандская будет проезжать через его земли, вице-король выехал ей навстречу – не только потому, что она была родственницей короля, но и потому, что его связывала с ней многолетняя дружба. В свите же вице-короля Каталонии было немало доблестных дворян, которые участием в продолжительных войнах приобрели такую известность, что каждый почитал за счастье познакомиться с ними. Вместе с другими там оказался некий Амадур, и, хотя ему было не больше восемнадцати или девятнадцати лет, это был человек такого обаяния и такого ума, каких из тысячи рождается только один. Способности его были так велики, что ему уже можно было доверить государственные дела. Надо сказать, что ум его сочетался с такою необычайной и подкупающей красотой, что люди просто не сводили с него глаз. Сверх этого он обладал таким даром речи, что никто не знал, чему отдать предпочтение: манерам его, красоте или красноречию. Но еще большее уважение он заслужил своей отвагою, молва о которой распространилась повсюду, хоть он был совсем еще молод. Он столько раз уже имел случай показать свою доблесть, что не только в Испании, но и во Франции и в Италии чтили его заслуги – он ведь уже был участником самых кровопролитных битв, а когда на родине его воцарялся мир, он не успокаивался и тут же отправлялся в чужие страны, где

он пользовался уважением и любовью друзей и врагов.

Юноша этот был очень привязан к своему военачальнику и остался с ним в том месте, куда теперь приехала графиня Арандская. И вот, увидев, до чего хороша собою ее дочь Флорида, которой тогда было всего лишь двенадцать лет, он подумал, что это самая замечательная девушка, какую он когда-либо видел, и что за ее благосклонность он охотно отдал бы все блага и все радости, которыми его наделяли другие женщины. Он долго не мог оторвать от нее глаз и влюбился в нее, несмотря на все доводы разума, говорившего ему, что она для него слишком знатна и так еще молода, что с ней рано говорить о любви. Однако надежда все же одержала верх над его нерешительностью, и он пришел к убеждению, что время и терпение помогут ему добиться успеха. Чувство, которое столь неожиданно и властно воцарилось в сердце Амандура, обещало помочь ему отыскать все средства для осуществления этой цели. А чтобы преодолеть самое значительное затруднение — большое расстояние, отделявшее Флориду от местности, где он жил, и невозможность часто видеться с нею, — юноша решил жениться и этим раз и навсегда порвать все связи с барселонскими и перпиньянскими дамами, которые ему всегда воздавали должное, стараясь ни в чем ему не отказывать. Беспрестанные войны заставили его так часто бывать на этой границе, что он стал больше походить на каталонца, чем на испанца, хотя родом он был из Толедо. Происходил он из богатого и довольно знатного дома и сам



не имел большого состояния только потому, что был младшим сыном в семье. Может быть, именно по этой причине Амур и Фортуна, видя, что родные его о нем позабыли, решили вознаградить его, чтобы с помощью своих дарований он обрел наконец то, в чем отказывали ему законы страны. Он был настолько искусен в военном деле, пользовался такой любовью всех сеньоров и принцев, что чаще, чем просить о какой бы то ни было милости, ему приходилось отказываться от тех, которыми его осыпали.

Графиня, о которой я говорил, тоже приехала в Сарагосу и была там приветливо встречена королем и всеми придворными. Вице-король Каталонии не раз приезжал выразить ей свое почтение, и Амадур никогда не упускал случая сопровождать ему только ради того, чтобы увидеться с Флоридой, ибо без этого у него не было ни малейшей возможности поговорить с нею. И чтобы в этом обществе о нем узнали, он обратился к дочери одного старого дворянина, жившего по соседству с домом графини. Девушку эту звали Авантурада, и она была в такой близкой дружбе с Флоридой, что отлично знала все, что творится у нее в сердце. Амадур видел, что имеет дело с девушкой очень порядочной, у которой к тому же было три тысячи дукатов годового дохода, и стал вести себя так, как будто хочет на ней жениться. Авантурада готова была согласиться, но, зная, как беден молодой человек и как богат ее отец, решила, что последний никогда не согласится на этот брак, если только графиня Арандская им в этом не

поможет. Она пришла к Флориде и сказала:

— Взгляните на этого испанского дворянина: он часто заговаривает со мной. Я убеждена, что он хочет на мне жениться. А вы ведь знаете моего отца, он ни за что на это не согласится, если только графиня, ваша мать, и вы сами не употребите все силы, чтобы его уговорить.

Флорида, горячо любившая свою подругу, обещала ей, что возьмет все хлопоты на себя и поступит так, как будто дело касается ее самой. Тогда Авантюрада представила ей Амадура, и, когда тому довелось поцеловать ей руку, он едва не упал в обморок от счастья. И оказалось, что у того, кто славится своим красноречием на всю Испанию, в присутствии Флориды язык словно присох к нёбу, что несказанно поразило молодую красавицу, ибо, несмотря на свои двенадцать лет, она уже слыхала, что во всей стране нет человека, который был бы красноречивей Амадура. И, видя, что он не в силах вымолвить ни слова, она заговорила с ним первая, сказав:

— Ваша слава, сеньор Амадур, так велика, что вы хорошо известны и в этом обществе. А каждому, кто вас знает, хочется доставить вам какое-либо удовольствие. Поэтому, если только я в силах что-либо для вас сделать приятное, я готова исполнить любую вашу просьбу.

Амадур был до такой степени восхищен красотой девушки, что не мог даже как следует поблагодарить ее за эти слова. Но как Флорида ни была изумлена, не получив никакого

ответа, она приписала это молчание отнюдь не силе его любви, а скорее, пожалуй, какой-то глупой причуде и рассталась с ним, не сказав ему больше ни слова.

Зная, что даже в столь юные годы Флорида являет уже собою образец добродетели, Амадур сказал влюбленной в него девушке:

– Не удивляйтесь, если присутствие Флориды лишило меня дара речи. Добродетели этой девочки и ее разумные речи до такой степени поразили меня, что я не знал, что сказать. Вы ведь, наверное, знаете, Авантурада, все ее тайны, так скажите мне, есть ли среди придворных хоть один, кто не пленен ею, ибо знать ее и оставаться к ней равнодушным могут только тупые животные или люди с каменным сердцем.

Авантурада, которая уже любила Амадура больше всего на свете, не стала ничего от него скрывать и сказала ему, что действительно Флорида всеми любима, но обычаи этой страны таковы, что мало кто решится заговорить с ней. Однако до тех пор никто еще не пытался свататься к ней, если не считать двух испанских принцев, которые оба имели намерение на ней жениться. Это были сын Энрике Арагонского\* Альфонс и юный герцог Кардонский\*.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.